

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК:
ПОЛИТОЛОГИЯ, СОЦИОЛОГИЯ,
ФИЛОСОФИЯ**

Новосибирск, 2013 г.

УДК 3
ББК 6/8
С69

С69 «Современные тенденции общественных наук: политология, социология, философия»: материалы международной заочной научно-практической конференции. (25 февраля 2013 г.) — Новосибирск: Изд. «СибАК», 2013. — 76 с.

ISBN 978-5-4379-0233-2

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Современные тенденции общественных наук: политология, социология, философия» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современных общественных наук.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития общественных наук.

Рецензенты:

- канд. ист. наук, доцент Прошин Денис Владимирович;
- канд. филос. наук Гужавина Татьяна Анатольевна;
- канд. ист. наук Купченко Константин Владимирович.

ISBN 978-5-4379-0233-2

ББК 6/8

© НП «СибАК», 2013 г.

Оглавление	
Секция 1. Политология	5
1.1. Политика в России	5
ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ОКРУГА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ СТАТУСА И РАЙОНИРОВАНИЯ Коломийцев Евгений Сергеевич	5
1.2. Мировая политика	11
ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ В СФЕРЕ МИРОВОЙ ЭНЕРГЕТИКИ Дубровина Анастасия Сергеевна	11
1.3. Политический PR и реклама	17
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ БРЕНДА ТЕРРИТОРИИ В ЛИЦЕ ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА (НА ПРИМЕРЕ УКРАИНЫ И РОССИИ) Бондарь Анастасия Геннадиевна	17
Секция 2. Социология	22
2.1. Методология и методика социологического исследования	22
МЕТОД НАБЛЮДЕНИЯ В РОССИЙСКИХ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ НАЧАЛА XX ВЕКА Кажанов Олег Александрович	22
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО УРОВНЯ КАЗАХСТАНА И РОССИИ Жанат Мырзабек Агипар Бакей	27
Секция 3. Философия	33
3.1. Социальная философия	33
ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО СОЗНАНИЯ КАК ПОТРЕБНОСТЬ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В РФ Козлова Ольга Валериевна	33

РОЛЬ ДОМАШНЕГО ТРУДА В ИНСТИТУТЕ СЕМЬИ Чухно Валентина Ивановна	37
3.2. История философии	42
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ОФИЦЕРСКИХ ТРАДИЦИЙ В РОССИЙСКОЙ АРМИИ Широкова Вера Валерьевна	42
3.3. Онтология и теория познания	46
СИСТЕМНО-ДЕСКРИПТОРНАЯ НАГРУЖЕННОСТЬ НАУЧНОГО ФАКТА Нерубасская Алла Александровна	46
Секция 4. История	53
4.1. История России	53
НАДЗИРАТЬ И ВОСПИТЫВАТЬ: ОРГАНИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ ТРАНСПОЛЯРНОЙ МАГИСТРАЛИ (1947—53 ГГ.) Калинин Вячеслав Алексеевич	53
ВНЕШНИЙ ОБЛИК ТАТАР КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ XIX — НАЧАЛА XX ВВ. В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИЗДАНИЯХ Мифтахов Руслан Габидович	61
4.2. Всемирная история	69
КОЛОНИИ ГАЯ ГРАКХА И VETERES POSSESSORES: НОВЫЕ АРГУМЕНТЫ И ПОПЫТКА РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ Тельминов Вячеслав Григорьевич	69

СЕКЦИЯ 1.

ПОЛИТОЛОГИЯ

1.1. ПОЛИТИКА В РОССИИ

ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ОКРУГА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ СТАТУСА И РАЙОНИРОВАНИЯ

Коломийцев Евгений Сергеевич

*аспирант кафедры политологии и политического управления,
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар*

E-mail: rabota.dep.128@yandex.ru

Цель статьи — определить значение федеральных округов Российской Федерации как политического института обеспечения национальной безопасности. Поставлены задачи: выявить позитивный и негативный опыт деятельности федеральных округов, аргументировать предложения по оптимизации статуса и территориальной сети федеральных округов.

Элементы введенного в 2000 г. статуса федеральных округов прослеживаются на протяжении 1990-х гг. в политической публицистике и предложениях аналитиков. Количество округов совпадает с 8 ассоциациями межрегионального экономического сотрудничества, хотя их границы и полномочия серьезно различаются. Идея «выращивания» окружных структур «снизу», в итоге межрегиональной экономической интеграции, выдвигалась в конце 1990-х гг. председателем Правительства России Е.М. Примаковым, аналитиками Администрации Президента РФ («группой Л.В. Смирнягина»), губернатором Кемеровской области А.Г. Тулеевым и губернатором Свердловской

области Э.Э. Росседем. Вместе с тем, многие региональные лидеры, особенно президенты республик, оставались недовольными курсом Правительства России, настаивавшего на ускоренной территориальной реформе [7, с. 204—217]. Наиболее радикальный централизаторский набор предложений высказывали губернаторы Новгородской, Белгородской и Курганской областей-регионов, относящихся к малодеходным и дотационным [5].

Указ Президента Российской Федерации В.В. Путина от 13 мая 2000 г. определил основы статуса, функций, прав и компетенции полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах [6]. Данный нормативно-правовой акт наметил тенденцию к интеграции российского общества, к ослаблению потенциала этносепаратизма и региональной децентрализации. Важнейшие проблемы, по которым выявились конфликты интересов элит, таковы:

- взаимоотношения «ветвей» власти субъектов федерации с органами власти федеральных округов (альтернативы; соподчинение; равноправное сотрудничество; временные контрольные функции округов);
- контроль над трансфертами федерального бюджета, над иностранными и межрегиональными капиталовложениями;
- статус городов федерального подчинения в округах;
- выравнивание статусов национальных территориальных субъектов федерации при арбитражной роли центра и округов;
- правовое и организационное обеспечение создания новых субъектов РФ и видоизменения существующих;
- перераспределение информационного и социокультурного пространства в интересах обеспечения государственного единства и суверенитета России.

Опыт федеральных округов России (2000—2013 гг.) нельзя оценить однозначно. На наш взгляд, для обеспечения национальной безопасности продуктивны такие направления реформ, как перераспределение полномочий и предметов ведения в пользу федерального уровня власти; расторжение двусторонних договоров между РФ и субъектами федерации; выравнивание статусов этнотерриториальных и административных субъектов федерации; формирование координационных институтов на уровне федеральных округов (прокуратур, судов, СМИ, банков и т. д.). Состоялось слияние наиболее дотационных и не имеющих достаточных ресурсов регионов (Коми-Пермяцкого автономного округа и Пермской области, Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа, Агинского Бурятского автономного округа и Читинской

области, Корякского автономного округа и Камчатской области, Таймырского и Эвенкийского автономных округов с Красноярским краем). Положительно сказалось на целостности государства приведение Конституций и Уставов регионов в соответствие с Конституцией РФ, упорядочение полномочий и предметов ведения субъектов федерации в сфере международных отношений, использования природных ресурсов, налогов и субсидий. Устраняется дублирование функций территориальных органов федеральных министерств и ведомств в регионах [2, с. 69—85].

В то же время статус федеральных округов остается неопределенным. Преобразования все чаще идут по пути негласных согласований интересов, что мы видим в случаях с допущением повышенного конституционного статуса Чечни и Татарстана, дотационности республик Северного Кавказа (фактической покупке лояльности). Эти уступки государственного «центра» региональным элитам, как и кадровый состав многих органов управления, вызывают сожаление.

Специалисты (Р. Беннетт, С.Л. Логиновский, А.В. Усыгин) полагают, что территориальная система работает эффективно, когда она состоит не более чем из 15—20 элементов первой степени подчинения [9, р. 34; 4, с. 141—144; 7, с. 216—217]. В СССР 1970—80-х гг. существовали экономические регионы, удовлетворявшие этим требованиям. В пределах нынешней РФ было 11 таких макрорегионов, выделенных по комплексу взаимосвязанных признаков с преобладанием природно-географического и хозяйственного критериев районирования.

Созданные в 2000 г. федеральные округа более несовершенны, чем экономические регионы 1970—80-х гг. Они труднее поддаются самоорганизации, т. к. состоят из увеличенного числа субъектов РФ. Бесконтрольный рост полномочий федеральных округов может повести к расколу России по линиям хозяйственного, культурного, транспортного тяготения ФО и образования зон влияния геополитических конкурентов нашей страны. Ничем, кроме лоббизма, нельзя объяснить передачу Пермской области, Удмуртии и Башкирии Приволжскому ФО или Тюменской области — Уральскому ФО. Довод о том, что границы федеральных округов совпадают с рубежами военных округов, малосостоятелен. Опыт многих государств подтверждает: районирование военных, политических, экономических, судебных и других территориальных структур должно проводиться «внахлест». Это позволяет снизить угрозу сепаратизма и повысить возможность централизованного контроля над региональными элитами. Нуждается в федеральном эффективном контроле и объем

компетенции, ресурсов власти полпредств в ФО. Полпредства должны являться проводниками федеральной стратегии, а не автономными игроками.

Создание в январе 2010 г. Северо-Кавказского федерального округа в составе республик Северного Кавказа и Ставропольского края оцениваем как краткосрочное политическое решение, последствия которого спрогнозированы плохо. Если речь идет о координации функций обеспечения национальной безопасности и обороноспособности, то она может эффективно проводиться и в границах единого Южного федерального округа либо по линии специализированных территориальных управлений федеральных органов власти. Соединение в пределах СКФО 6 депрессивных и 1 относительно успешного региона не приносит экономических выгод. Миграционный поток из республик Северного Кавказа в Ставропольский край усилился, что привело к обострению конфликтов этнической и религиозной идентичности [1, с. 44—62].

Более позитивным решением было бы разделение макрорегиона по оси «Запад-Восток» на Южнороссийский (в составе Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской области, республик Адыгея, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария и Северная Осетия-Алания) и Прикаспийский (в составе Республики Калмыкия, Астраханской и Волгоградской областей) федеральные округа. Наиболее проблемные республики — Ингушетия, Чечня и Дагестан, где идет затяжная контртеррористическая война, могут быть выделены в федеральную территорию с внешним финансовым и правоохранительным управлением из-за их дотационности на 90 % [8, с. 9]. Состав политико-административных элит данной территории должен в полной мере отражать полиэтничный состав населения. Преобладающая часть Юга России, включая Ставропольский и Краснодарский края, экономически и политически тяготеет к Дону, поэтому нецелесообразно включать ее в административно-территориальные конструкции совместно с очагами религиозного и этнополитического экстремизма. Категорически не следует поощрять территориальными реформами и объединение по религиозному и этнополитическому принципам республик Северного Кавказа, что совпадало бы с замыслами геостратегов США и идеологов исламского радикализма (антиконституционный виртуальный «Имарат Кавказ» провозглашен в 2007 г.).

На основе исследования сделаны выводы. Желательный путь территориальных преобразований в России — постепенный перевод государства из состояния этнизированной и договорной федерации

в состоянии административно-территориальной, конституционной федерации.

В публицистике и научном сообществе сложилось две тенденции оценок территориальных реформ. Защита существующего состава субъектов РФ в основном связана с интересами региональных элит «успешных» территорий. Тенденция к укрупнению субъектов РФ прослеживается в текстах представителей дотационных регионов и политиков этатистско-консервативного направления. Вторая тенденция более полезна для Российской Федерации, т. к. связана с обеспечением ее национальной безопасности и территориальной целостности [3, с. 285—291].

Федеральные округа — шаг в верном направлении. Но на повестке дня — задача конституционного закрепления института федеральных округов. Их статус должен быть определен в Конституции России и федеральных законах. Надо нарастить экономические, финансовые, правовые, информационные и организационные ресурсы органов государственной власти на уровне округов. Объем полномочий округов должен предусматривать рычаги эффективного контроля со стороны федерации и контроля окружных органов власти над региональными. В будущем назреет изменение состава субъектов РФ на основе пропорциональности экономического потенциала, численности населения, геополитических приоритетов сдерживания этнического и экономического сепаратизма. Эта стадия преобразований потребует качественной социологической экспертизы, предвещающей действия органов власти.

Новые субъекты федерации должны быть определены на основе профессионального научного анализа российского пространства, с предварительным принятием нормативно-правовых актов на уровне конституционных законов. Количество макрорегионов может уточняться, как и очертания границ, на межрегиональных референдумах. Итоги голосования подлежат утверждению органами власти федерального уровня.

Предложенные меры будут полезными только при качественной перестройке территориальной стратегии Российской Федерации, нацеливаемой на обеспечение самостоятельной роли нашей страны в мире, на приоритетность социетальных задач в сравнении с узкогрупповыми.

Список литературы:

1. Авксентьев В.А. Федеральные округа и опыт полпредов в решении северокавказских задач // Юг России: проблемы, прогнозы, решения: сб. науч. ст. / Гл. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во Южного научного центра РАН, 2010. — С. 44—62.
2. Иванов В. Путин и регионы. Централизация России. М.: Европа, 2006. — 240 с.
3. Кольба А.И. Проблемы управления политическими конфликтами в процессе укрупнения субъектов Российской Федерации // Сравнительный федерализм и российские проблемы федеративных отношений: сб. ст. / Под ред. Л.В. Сморгунова, Ю.Н. Солонина. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2008. — С. 279—291.
4. Логиновский С.Л. К новому территориальному устройству России? // Полис. — 1997. — № 5. — С. 140—145.
5. Родман Б.Б. Гипноз старых понятий. Отечественный федерализм: что дальше? // Независимая газета. 2001. 27 окт.
6. Указ Президента Российской Федерации № 849 от 13 мая 2000 г. «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» // Российская газета. 2000. 16 мая.
7. Усягин А.В. Политическое управление и его территориальные аспекты: Российский опыт. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского гос. университета, 2005. — 257 с.
8. Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы / В.А. Авксентьев, Б.В. Аксюмов, Г.Д. Гриценко и др.; под ред. Г.Г. Матишова, Н.И. Голубевой, В.А. Авксентьева. Ростов н/Д: Изд-во Южного научного центра РАН, 2011. — 328 с.
9. Territory and Administration in Europe / Ed. by R. Bennett. London; N.Y., Pinter Publishers, 1989. — 268 p.

1.2. МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ В СФЕРЕ МИРОВОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Дубровина Анастасия Сергеевна

аспирант ДА МИД России,

г. Москва

E-mail: neldi@mail.ru

Внешнеполитическая деятельность Российской Федерации в условиях ускорения процессов трансформации геополитического ландшафта, сопровождающихся накоплением кризисных явлений в мировой экономике и потрясениями во многих странах мира, включая проблемы еврозоны и драматические события в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, осуществляется последовательно и продуманно [5].

Заметная роль нашей страны в решении многих вопросов глобального характера и региональных конфликтов, благодаря постоянному членству в Совете Безопасности ООН, активному участию в «восьмерке» и «двадцатке» — далеко не полный перечень критериев, отражающих геополитический статус России. В 2012 г. успешно завершён многолетний переговорный процесс по условиям участия России во Всемирной торговой организации (ВТО), что подтверждает последовательный курс на интеграцию РФ в мировую экономику и укрепление её позиции.

Формирование взаимовыгодного, равноправного и многопланового партнерства с Европейским союзом (ЕС) было и остается на обозримую перспективу одним из приоритетов внешней политики России и залогом поддержания устойчивой общеевропейской безопасности [10]. ЕС является для Российской Федерации не только крупнейшим торгово-экономическим партнером, рынком экспорта российских энергоносителей, но и ключевым источником инвестиций и технологий. Россия и ЕС — важнейшие международные партнёры, вносящие значительный вклад в поддержание глобальной и региональной безопасности.

Топливо-энергетический комплекс является ключевым сектором экономики для абсолютного большинства стран мира. От его состояния,

особенно в технологическом плане, зависит уровень национальной безопасности в экономическом, социальном и политическом аспектах. Это предопределяет особое внимание со стороны руководства многих государств к обеспечению энергетической безопасности [5].

Опыт функционирования существующих региональных объединений стран, в частности Евросоюза, показал, что наиболее прочной конструкцией наднационального объединения служит не единое экономическое или таможенное пространство, не общность политических ценностей, а инфраструктурные связи, в особенности энергетическая инфраструктура. Неслучайно сегодня в условиях острого кризиса европейского проекта именно создание панъевропейской энергетической инфраструктуры, межгосударственных энерготранспортных коммуникаций является одной из приоритетных задач руководства Евросоюза. Более того, страны Европы активно работают над формированием общего видения энергетического развития Евросоюза как залога его долгосрочной устойчивости и процветания – «Дорожная карта» развития энергетики Евросоюза, которая, очевидно, станет основой единой энергетической политики Европы [4].

Несмотря на рост турбулентности в международных отношениях России с крупнейшими мировыми державами, значительным шагом в деле наращивания взаимовыгодного энергетического партнерства стал запуск второй очереди трансъевропейского газопровода «Северный поток». Продолжается работа по реализации проекта «Южный поток».

Программная статья В.В. Путина об идее нового регионального объединения на просторах Евразии — Евразийского союза придает новый импульс интеграционным процессам на пространстве стран бывшего СССР. В этой связи сегодня представляется крайне важным определить базис нового регионального объединения, который бы повысил его устойчивость в очень динамичном экономическом и политическом пространстве современности [9].

Интересным, на этом фоне, является долгосрочное взаимовыгодное партнерство России и Дании в сфере энергетики. Как известно, Дания предоставила право России проложить «Северный поток» по дну Балтийского моря в своей исключительной экономической зоне (ИЭЗ). С вводом в эксплуатацию «Северного потока» и началом поставок природного газа из России в Данию в 2011 году (2 млрд. куб. м. в год с последующим увеличением) в соответствии с контрактом между ОАО «Газпром» и «ДОНГ Энерджи» созданы условия для последующего наращивания датского реэкспорта российского газа [3].

По мнению Михаила Ванина — Чрезвычайного и Полномочного Посола России в Королевстве Дания, в отношении «Северного потока» Россия с самого начала руководствовалась не только критериями экономической целесообразности, но и самыми строгими мировыми экологическими нормами. Именно такой подход учитывается в российско-европейском энергодиалоге, включая вопросы энергоэффективности и использования возобновляемых источников энергии [2].

Все вышесказанное справедливо и применительно к проекту Евразийского союза, становым хребтом которого может и должна стать энергетическая инфраструктура.

В 2011 году Управление энергетической информации США опубликовало предварительную оценку запасов сланцевого газа. Эксперты оценили мировой объем технических извлекаемых ресурсов сланцевого газа в 185 трлн. м³ (для сравнения: доказанные запасы природного газа в России составляли 44,6 трлн. м³ по состоянию на 2011 год). Наибольшими ресурсами сланцевого газа обладает Китай, где находится 19 % общемирового объема. На долю США (чьи ресурсы оценены с наибольшей степенью точности благодаря накопленному опыту добычи) приходится 13 % мировых запасов. В странах же Европы разведанные месторождения сланцевого газа в совокупности составляют около 10 % от общемирового показателя [1].

На масштабную добычу сланцевого газа американцев подвигли высокие цены на это ископаемое топливо в период с начала и до середины 2000-х годов. США в настоящее время практически полностью обеспечивают свои внутренние потребности в природном газе. Но останавливаться на этом не собираются. Даже консервативный сценарий в прогнозе Управления энергетической информации США предполагает почти четырехкратное увеличение добычи сланцевого газа в период с 2009 по 2035 год. Таким образом, через 23 года США по этому показателю выйдут на уровень 342 млрд. м³ (47 % от общего объема) [8]. Однако следует учитывать большие капитальные вложения, произведенные в США, на новые технологические разработки по добыче сланцевого газа. На первый план выходит проблема господдержки добычи и реализации этого газа и в дальнейшем. В ином случае цена сланцевого газа будет высокой.

В Европе запасами сланцевого газа предположительно обладают 16 стран, включая Украину, но при этом ни один из газоносных комплексов пока не введен в промышленную эксплуатацию. Более половины оценочных запасов сосредоточено в двух странах — Польше (5,2 трлн. куб. м) и Франции (5 трлн.). Однако в еврозоне

существует много факторов, которые влияют на сдержанное развитие добычи альтернативного газа. Однако нынешние высокие цены на газ в Европе свидетельствуют в пользу того, что проекты по добыче сланцевого газа в этом регионе могут быть рентабельными даже при условии значительных инвестиций в разработку месторождений [1].

Между тем позиция большинства европейских стран по отношению к сланцевому газу является выжидательной: они внимательно следят за ситуацией в Польше, где как оказалось, объемы полученного газа значительно меньше ожидаемого уровня. В то же время добыча сланцевого газа часто вызывает беспокойство в связи с экологическими рисками. Независимое исследование показало большую степень риска. Все происходящее вокруг добычи сланцевого газа в Европе сейчас говорит о том, что ожидать европейской сланцевой революции — по примеру США — не стоит. Скорее, это будет «сланцевой эволюцией» [1].

Параллельно вышли несколько крупных исследований, которые предсказывают «столкновение лбами» производителей нефти и газа, а также снижение в течение 40 лет роли углеводородов.

В октябре 2012 года Президент РФ В.В. Путин поручил «Газпрому» разработать основные принципы экспортной газовой политики, учитывающие развитие сланцевого газа. По мнению Алексея Миллера, добыча этого газа в России неактуальна в отличие от сланцевой нефти, разработкой которой необходимо заниматься. Во всяком случае, у российского газового экспорта будет время адаптироваться к новым реалиям.

Тем не менее, на сегодняшний день основные вопросы мировой энергетики — это рост спроса на энергоносители и перспективы энергетического дефицита в будущем, уязвимость мировых энергетических систем, связанная, в первую очередь, с ситуацией на Ближнем Востоке, и, как итог, переустройство энергетической картины мира.

Создание полосы нестабильности от Атлантики до Кавказа и, как результат, активизация негативной ситуации вокруг Сирии продолжает оставаться одним из важнейших элементов ближневосточной и мировой политики. Ведущие страны НАТО, Израиль, а также Турция и монархии Персидского залива, используя внутренние трудности Сирии и преследуя свои цели, упорно пытаются дестабилизировать правящий сирийский режим [6].

По мнению члена политбюро Национальной социальной партии Или Самана, главным дестабилизирующим фактором в Сирии является политика США, Франции и Англии, действующих в инте-

ресах Израиля и имеющих целью разделить Сирию на пять государственных образований по религиозному и этническому признаку [4].

Дальнейшее развитие ситуации в Сирии во многом зависит от способности правящего режима консолидировать здоровые силы общества и провести объявленные реформы. Наряду с этим перво-степенным и наиболее важным вопросом является подавление террористических группировок и стабилизация внутривластной ситуации. В свою очередь данный вопрос напрямую связан с дальнейшим развитием внешнеполитической обстановки — действиями ведущих стран НАТО, особенно Турции, Лиги арабских стран, наблюдатели которой проводят оценку ситуации в Сирии, а также России и Китая. Что касается России, то она твёрдо заявляет о недопустимости повторения в Сирии «ливийского сценария» [8].

По мнению Романо Проди — итальянского политического деятеля, в настоящее время, с учетом принятого решения не развивать атомную энергетику, ни из одной европейской страны не поступало сигнала о том, что требуется меньше энергоресурсов из России [7]. Конечно, в ЕС развивается добыча энергии из альтернативных источников, используется солнечная и ветровая энергии и энергия приливов, однако традиционные связи (в энергетике), которые имеет Евросоюз, будут сохраняться и в будущем. Это с учетом того факта, что рынок природного газа меняется во всем мире, поэтому ЕС рассчитывает на некоторую гибкости со стороны России. Романо Проди считает, что до сих пор не было проблем с поставками газа из Алжира или Ливии и если составить список рисков, их значительно меньше, если дело касается России, которая стала частью «Голубого потока», и это не революция, а результат существующего прогресса [7].

Эффективная энергетическая дипломатия может реально способствовать укреплению позиций России на мировой арене, поскольку развитие Россией дипломатических отношений в энергетической сфере тесно переплетается с ее международной политикой в целом. В современной внешней политике России экспорт и транзит углеводородов становится системообразующим фактором, от которого зависят национальная мощь и положение России на мировой арене. В связи с чем, для реализации национальных интересов страны энергетическая дипломатия является важным стратегическим направлением российской внешней политики.

Таким образом, Российская Федерация под влиянием внешних факторов сталкивается с необходимостью уточнения акцентов во внешней энергетической политике. Принимая непосредственное

участие в функционировании ряда международных и транснациональных организаций, Россия оставляет за собой право ограничивать чье-либо политическое и экономическое влияние в сферах и регионах, которые считает зоной собственных интересов. На мировом уровне в качестве приоритетного направления энергетической дипломатии выступает деятельность России в «Большой восьмерке», позволяющая ей поднимать вопросы по глобальному энергетическому взаимодействию и отстаивать свои позиции в диалоге с крупными потребителями сырья. На региональном уровне основное внимание сосредоточено на развитии энергетического диалога с Европейским Союзом. Россия использует «трубопроводную» дипломатию в качестве инструмента сохранения и расширения влияния на политическом поле Евразии.

Список литературы:

1. Бородин В. Сектор газа // Бизнес журнал. — 2012. — № 10. — С. 8—10.
2. Ванин М. Россия — Дания: историческая преемственность многовекового добрососедства // Международная жизнь. — 2012. — № 10. — С. 16—32.
3. Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2011 г. — / Обзор МИД России. — Москва, март 2012 года. — 177 с.
4. Громов А.О Евразийской энергетической доктрине // Международная жизнь. — 2012. — № 7. — С. 34—37.
5. Жизнин М. Энергетическая дипломатия и модернизация ТЭК России / М. Жизнь. — № 4. — 2012. С. 15—33.
6. Иванов С. «Арабская весна» продолжается // Журнал «Обозреватель-Observer» — 2012. — № 3. — С. 56—66.
7. Интервью Романо Проди «Европе нужна Россия» // Международная жизнь. — 2012. — № 10. — С. 38—46.
8. Исследование US Energy Information Administration: World Shale Gas Resources: an Initial Assessment of 14 Regions outside the United States // EIA. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — <http://www.eia.gov/analysis/studies/worldshalegas/pdf/fullreport.pdf>.
9. Путин В.В. Россия сосредотачивается. Ориентиры // В.В. Путин. — М.; ОЛМА Медиа Групп, 2012. — 128 с.
10. Чижов В.А. Стратегическое партнерство Россия — ЕС: еврокризис — не повод для передышки // Международная жизнь. — 2012 — № 6. — С. 22—34.

1.3. ПОЛИТИЧЕСКИЙ PR И РЕКЛАМА

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ БРЕНДА ТЕРРИТОРИИ В ЛИЦЕ ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА (НА ПРИМЕРЕ УКРАИНЫ И РОССИИ)

Бондарь Анастасия Геннадиевна

*аспирант кафедры политологии
Донецкого национального университета,
г. Донецк*

E-mail: nastyabondar@gmail.com

В период социально-экономического кризиса, продолжающего сегодня испытывать Украину и Россию, возрастает политико-психологическая роль глав государств и усиления социальных ориентаций на них. Это, в свою очередь, способствует процессам персонификации образа страны в лице ее политического лидера на уровне общественного сознания жителей соседних стран. Данные тенденции определяют актуальность исследуемой темы.

Новизна выбранной темы заключается в попытке обозначить основные причины и механизмы влияния политического лидера на процесс формирования бренда территории в современных социально-политических условиях.

Цель работы — описать основные аспекты персонификации образа страны в лице ее политического лидера на примере Украины и России, а также указать на нравственно-культурные последствия негативного проявления этих аспектов.

В отечественной политической науке внимание аспекту влияния образа политического лидера на восприятия бренда территории уделяют такие ученые как Е.Б. Шестопап [9], Д.А. Леонтьев [4], К.О. Перцовская [9], Л.С. Мамут [5]. Авторскую концепцию «Я-государства» представляет И.Ю. Киселев, А.Г. Смирнова [3]. Авторы считают, что образ государства состоит из трех компонентов: идентификация политического лидера общенациональным ценностям, осознание статуса своей страны, а также понимания роли, которую играет страна на международной арене. Основным методом анализа авторы используют контент-анализ речей политических лидеров.

Характер отношения граждан определенного государства к образу соседней страны зачастую формируется на основе впечатлений, которые вызывает политический лидер (президент) этой страны. На постсоветском пространстве такая практика распространена достаточно широко. Например, в политическом сознании многих украинцев отношение к образу России может корректироваться в зависимости от того, какие эмоции у них вызывают те или иные заявления действующего главы российского государства. Аналогичный механизм срабатывает и в политическом сознании россиян, у которых личные впечатления от нынешнего украинского президента переносятся на восприятие Украины. В контексте приведенного примера необходимо подчеркнуть несколько важных моментов:

- Вышеописанные политико-психологические процессы в большей степени происходят неосознанно. Для человека внутренний перенос эмоций с президента на образ страны протекает, как правило, незаметно, то есть в русле не фиксируемой естественности;

- Конкретное действие политического лидера соседней страны едва ли спровоцирует у гражданина резкое изменение в оценке образа соседней страны. В большинстве случаев речь идет об усилении или не радикальном ослаблении сформированной позиции. Следует учитывать, что эти особенности политико-эмоциональной амплитуды часто используются политическими манипуляторами посредством «мягкой» пропаганды;

- Для людей, активно интересующихся политикой, одним из наиболее сильных стимулов к пересмотру оценки образа близлежащей страны является содержание текущих взаимоотношений между лидерами рассматриваемых государств;

- Ключевую роль в исследуемой проблеме играют национальные СМИ, в частности то, как в них подаются образы руководителей соседних стран. Здесь на первый план выходит мотивационный оттенок в реализации идеологической и мировоззренческой функций журналистики.

Есть еще один аспект, который фрагментарно проявляется в ситуациях, когда образ страны персонифицируется в лице ее политического лидера на фоне отрицательных интенций. Это — социально-политическая мода в определенных общественных кругах страны на критику главы соседнего государства.

Критике такого рода свойственно со временем превращаться в тотальное обличение целостного образа соседнего государства, а масштаб этого обличения впоследствии выходит за рамки политики и начинает затрагивать сферу истории, культуры, религии, т. е. опасно

для целостности бренда территории. Подходящая иллюстрация — реакции определенных общественных кругов Украины и России в период 2005—2010 годов.

Обозначенные выше аспекты требуют прикладной теоретизации, которая в данном случае предполагает обращение к соотношению понятий «образ», «имидж» и «бренд», принципам гештальтпсихологии и философско-психологической концепции персонализма.

Бренд — совокупность образов, которые отражают его индивидуальные характеристики, возникающие в сознании массовой аудитории и вызывают с ней стойкую эмоциональную связь (обычно основанную на ценностях). В западных школах маркетинга характеризуется как торговая марка, которую потребители выделяют из других за счет уникального идентификатора, а также дополнительной рациональной либо эмоциональной для себя ценности.

Имидж — рациональные и эмоциональные ожидания, представления массовой аудитории об объекте, к которому у них возникает оценочное отношение, проявляемое в форме мнения.

Образ — совокупность нейтральных представлений людей об объекте. Отдельный аспект, емкий и понятный для определенной категории людей. Поэтому под образом мы будем понимать отражение личности лидера (партии, государства, организации, товара и пр.) в массовом и индивидуальном сознании граждан.

В контексте последних событий, можно отметить, что работа имиджмейкеров и пиар-специалистов, работающих на политических лидеров Украины и России, не дала результатов в сфере конструирования позитивных впечатлений у граждан соседнего государства к восприятию бренда страны через лидера в целом. Это подтверждают фрагменты заявлений и интервью различной давности президентов обеих стран, высказывания которых носят противоречивый характер по поводу страны-соседа и политики ее руководства [8].

Относительно принципов гештальта и вопроса персонификации образа страны в лице ее политического лидера стоит выделить такие принципы, как «близость», «целостность» и «общая зона».

Близость — стимулы расположенные рядом, имеют тенденцию восприниматься вместе. Целостность — восприятие имеет тенденцию к упрощению и целостности. Общая зона — принципы гештальта формируют наше повседневное восприятие, наравне с научением и прошлым опытом. Предвосхищающие мысли и ожидания также активно руководят нашей интерпретацией ощущений [11].

По сути, указанные принципы гештальта дают наиболее точное психологическое объяснение механизма переноса эмоций с лидера государства на образ стран именно в тех случаях, когда речь идет о соседних странах.

Что касается философско-психологической концепции персонализма, то здесь очевидна важность положения, высказанного Э. Мунье: «Мы называем персоналистскими любое учение и любую цивилизацию, утверждающие примат человеческой личности по отношению к материальной необходимости и системам коллективности, лежащим в ее основании» [6].

Понимание приоритетности человека над социальным в сущности из духовной сферы любой личности никуда и не исчезало, и осознанные философско-мировоззренческие самоидентификации здесь не имеют значения. Но не у каждой личности данное понимание актуализируется и выражается в процессе жизни. А иногда оно находит отражение в ином психологическом процессе: приписывание лидеру общества того самого «примата над социальным», в том числе и в плоскости персонификаций общества в лице этого лидера, где последний предстает как «именной символ» [11].

В.И. Добрынина пишет, что персоналист П. Флоренский, рассматривая конституирующую роль идеи, приходит к выводу, что в этом процессе особую роль играет именно символ и имя. «Определяя символ как «бытие, которое больше самого себя», он полагает, что символ, как и имя, берет на себя энергетический потенциал бытия. Проявленность бытия тождественна его открытости для человека, что закрепляется посредством имен и слов, в которых аккумулируется энергичность бытия и его символическая полнота» [1].

Разумеется, «энергичность бытия» и «символическая полнота», не всегда несет позитив. От негативных проявлений персонификации образа страны в лице ее политического лидера, какой бы «именной символ» он не представлял, страдает самое главное — дружелюбные и мирные отношения между нациями. Поскольку отрицательные стимулы, идущие с политической сферы, всегда несут в себе серьезную угрозу размывания нравственно-культурных основ. Тем более, когда это касается трансформационных обществ, к которым относятся Украина и Россия. Поэтому на плечах украинской и российской власти в наших межгосударственных отношениях лежит особая ответственность — не только политико-экономическая, но и нравственно-культурная.

Список литературы:

1. Добрынина В.И. Философия XX века. — ЦИНО общества «Знание», 1997. — 130 с.
2. Киркин А.Н. Формирование образа государства в политическом сознании россиян: особенности и тенденции: дис. канд. полит. наук. М., 2006. 127 с.
3. Киселев И.Ю., Смирнова А.Г. Динамика образа государства в международных отношениях. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006. 376 с.
4. Леонтьев Д.А. От образа к имиджу. Психосемантический брендинг // Реклама и жизнь. 2000. № 1. С. 19—22.
5. Мамут Л.С. Образ государства как алгоритм политического поведения // ОНС. 1998. № 6. С. 85—96.
6. Мунье Э. Что такое персонализм? / Пер. Вдовиной И.С. — М.: «Издательство гуманитарной литературы», 1994. — 3 с.
7. Образы государств, наций и лидеров / Под ред. Шестопал Е.Б. — М.: Аспект Пресс, 2008. — 288 с.
8. Образ Украины в высказываниях Владимира Путина — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.memoid.ru/node/Obraz_Ukrainy_v_vyskazyvaniyah_Vladimira_Putina#.D0.A3.D0.BA.D1.80.D0.B0.D0.B8.D0.BD.D1.81.D0.BA.D0.B0.D1.8F_.D0.B2.D0.BB.D0.B0.D1.81.D1.82.D1.8C (дата обращения 25.02.2013).
9. Перцовская К.О. Образ России во внешнеполитическом пространстве // Образы государств, наций и лидеров / Под ред. Е.Б. Шестопал. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 189—196.
10. Смирнова А.Г. Образ государства как фактор принятия внешнеполитических решений: дис. канд. полит. наук. М., 2004. 207 с.
11. Фрейджер Р., Фэйдимен Д. Теории личности и личностный рост — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/freydjer/02.php (дата обращения: 08.02.2013).

СЕКЦИЯ 2.

СОЦИОЛОГИЯ

2.1. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

МЕТОД НАБЛЮДЕНИЯ В РОССИЙСКИХ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ НАЧАЛА XX ВЕКА

Кажанов Олег Александрович

*канд. филос. наук, научный сотрудник СмолГУ,
г. Смоленск*

E-mail: kazhanov@bk.ru

Среди традиционных качественных методов сбора эмпирической информации в современной электоральной социологии выделяется прямая регистрация событий очевидцем. Наблюдение, в основе которого, по мнению Г.В. Лазутиной, лежит «способность человека к восприятию предметно-чувственной конкретности мира в процессе аудиовизуальных контактов с ним» [5, с. 144], позволяет решать различные исследовательские задачи: рассматривать поведение разных групп электората в статике и динамике, оценивать эффективность применяемых конкурирующими кандидатами избирательных технологий, описывать степень цивилизованности проводимых в рамках избирательного процесса мероприятий, выявлять социально-психологическую атмосферу, характеризовавшую конкретную выборную кампанию и т. д.

В условиях думских избирательных кампаний начала XX века прямая регистрация событий очевидцем широко использовалась электоральными аналитиками как метод сбора фактологического материала с опорой на опыт ее апробации, как в рамках формирующейся в стране эмпирической социологии, так и предшествовавших ее возникновению социальных исследованиях.

Среди последних можно упомянуть методику «физиологических очерков», широко применявшуюся в русской литературе тридцатых-сороковых годов девятнадцатого века. Этот подход, по мнению М. Голубицкого, позволял писателям-реалистам исследовать социальную жизнь средствами художественного творчества с точностью, близкой по равнозначности естественнонаучному анализу [1, с. 27].

Систематизированная фиксация событий очевидцем, в сочетании с другими способами (использованием данных статистики, классификацией составляющих исследуемого явления и т. д.) формировала фактологическую основу произведения, позволяя очеркистам фиксировать реальные проявления быта и производственной деятельности отдельных социальных групп, их взаимодействий и отношений, социально-психологических качеств, моделей поведения, вплоть до особенностей речевой коммуникации. Как считают М. Гошков и Ф. Шереги, общий гуманистический пафос такого рода произведений, а также использованный авторами метод сбора и осмысления фактов общественного бытия в значительной мере предопределили как характер более поздней прогрессивной русской литературы, так и специфику становления отечественной социологии [2, с. 114].

Применение наблюдения в российских электоральных исследованиях эпохи думских избирательных кампаний (1906—1912) строилось как на использовании методики «физиологического очерка» XIX века, так и включало в себя элементы сбора фактологического материала, схожие с теми, что получили позднее широкое развитие в рамках классической и качественной эмпирической социологии.

Прямая фиксация событий очевидцем дополняла статистико-социологические методы изучения псефологической проблематики, позволяя понять истинные мотивы вотирования представителей различных социальных групп избирателей, причины их участия или неучастия в выборах. Тем самым расширялась и уточнялась картина научных представлений об особенностях электорального процесса в России.

Использовались, как вторичные фактологические данные, публиковавшиеся в прессе и представлявшие собой результаты регистрации конкретных событий думских избирательных кампаний на местах, так и собственные наблюдения за происходящим.

Знакомство с электоральной публицистической мыслью начала XX века показывает, что метод наблюдения активно применялся исследователями на разных этапах думских выборных кампаний, позволяя детально отслеживать ход избирательного процесса и особенности поведения его участников.

Примером изучения становления политического сознания великорусского крестьянства в предвыборный период с использованием этого метода является исследование социолога Иванова-Разумника, проведенное в одном из уездов Владимирской губернии осенью 1905 года [3]. Наблюдение за устройством и ходом политических собраний в это время позволило собрать интересный эмпирический материал, обработка и анализ которого позволили решить ряд исследовательских задач: определить общее состояние политического сознания деревни накануне первой думской избирательной кампании, структурировать дифференциацию политических настроений русского «мужика», которые впоследствии скажутся на его электоральном выборе, рассмотреть специфику одной из первых форм цивилизованного политического участия крестьянства — митинговой активности как прообраза будущих предвыборных собраний. Использование хорошо зарекомендовавшего себя в писательской публицистике метода типизации социальных характеров и явлений дало возможность исследователю создать целую галерею образов, олицетворявших социально-психологические особенности сознания и поведения представителей разных групп политически неоднородной деревни.

Устная агитация в период второй думской избирательной кампании стала объектом исследовательского интереса русского публициста-народника А. Пешехонова [4]. Он использовал наблюдение для осмысления института предвыборных собраний как механизма формирования электоральных настроений петербуржцев. Регистрируя проводимые мероприятия и их содержание, исследователь использовал ряд показателей, определявших динамику политико-психологических предпочтений участников и влияние этого процесса на соотношение политических сил, борющихся за голоса избирателей. Интенсивность собраний и их посещаемость, социальный состав публики, реакция присутствовавших на попытки властей закрыть заседание указывали на растущий интерес различных слоев населения к предстоящему голосованию. Внешне это выражалось, как отмечал А. Пешехонов, в изменении линии поведения избирателей: от движения за повестками (пригласительными билетами) к движению за избирательными списками. Другими словами, желание послушать ораторов с целью разобраться в смысле политических лозунгов сменялось потребностью познакомиться с кандидатами от политических партий, идущими на выборы, или выработкой устойчивых электоральных предпочтений, а значит, и желанием голосовать.

Описание эмоционально-психологической атмосферы, царящей на московских выборах в I Государственную Думу, позволило

Б. Щетинину показать влияние политического либерализма на умы избирателей «первопрестольной», традиционно считавшейся оплотом консервативных сил [7]. Чтобы представить объективную картину складывавшейся в Москве ситуации, исследователь посетил ряд избирательных участков в городе, различавшихся как по социальному составу избирателей, так и по популярности у них основных конкурирующих политических партий. Отчет об увиденном включал в себя наблюдения за отношением избирателей к самой процедуре голосования, фиксацию оценок политических партий, участвующих в выборах, описание агитационных мероприятий, проводимых кадетами, октябристами, блоком правых политических сил.

Б. Щетинин стремится к обоснованности результатов регистрации происходящего. Личные наблюдения за ходом голосования, он заканчивает свободным интервью с представителями партийных избирательных штабов перед самым закрытием избирательных участков. Их независимые оценки складывающейся ситуации с итогами голосования предварительно подтверждали выдвинутую гипотезу исследователя о возможной победе на выборах в Москве кадетской партии. В качестве окончательного независимого критерия Б. Щетининым были использованы данные официальной электоральной статистики, содержавшие сведения, как о результатах голосования, так и о явке избирателей. Они позволили не только сравнить распределение голосов по политическим партиям, но и электоральную активность жителей обеих столиц Российской Империи.

Наряду с применением техники невключенного наблюдения, позволяющей фиксировать ход избирательной кампании, описывать поведение отдельных социальных групп избирателей на выборах и т. д., использовались и элементы включенного наблюдения, которые делали возможным выявление внутренних процессов формирования политических взглядов, воззрений, убеждений, во многом объяснявших специфику электорального поведения. Примером применения такой методик является исследование П. Тимофеева, посвященное изучению политического сознания столичных рабочих в преддумский период и во время выборов в I Государственную думу [6]. Автор более десяти лет проработал на промышленных предприятиях в различных регионах Российской Империи, в том числе и Санкт-Петербурге. Будучи «своим» в пролетарской среде, он посещал заводские собрания, митинги, обсуждал насущные политические вопросы в личных беседах с рабочими, собирая бесценный фактологический материал, позволявший вскрыть специфику внутренних процессов формирования их политических взглядов, воззрений, убеждений

как избирателей. Так, например, П. Тимофеев отмечал, что усвоенная политическая информация не приводила к складыванию устойчивых партийных ориентаций. В сознании рабочих шло своеобразное «партийное конструирование», заключавшееся в попытках конвергенции отдельных программных положений политических организаций в единое целое, соответствующее сложившимся социальным воззрениям [6, с. 177].

Чтобы избежать обвинений в субъективизме сделанных выводов, исследователь использует отдельные приемы формализации процедуры наблюдения. Письменной, практически дословной, регистрации подвергаются выступления рабочих при обсуждении политических вопросов на митингах, собраниях [6, с. 169]. Анализ их содержания позволяет П. Тимофееву уловить общие установки восприятия политической действительности в сознании определенной части пролетарской массы.

Ограниченные рамки статьи не позволяют более подробно рассмотреть специфику применения методики наблюдения в электоральных отечественных исследованиях начала XX века. Однако приведенные примеры указывают на активное использование качественного способа эмпирической фиксации фактологического материала, в рамках анализа которого формировались представления об уровне становления электоральной культуры различных социальных групп российского общества.

Список литературы:

1. Голубицкий Ю.А. Социология и литературный процесс. Физиологический очерк (1830—1840 гг.) как предтеча русских социологий / Юрий Голубицкий. — М.: Вече, 2010. — 272 с.
2. Горшков М.К. Прикладная социология: методология и методы: Учебное пособие / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. — М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2009. — 416 с.
3. Иванов-Разумник Р.В. «Что думает деревня?» // Русское богатство. 1906. Май. — С. 1—14.
4. Пешехонов А. Хроника внутренней жизни. Избирательная кампания в СПб. // Русское богатство. 1907. январь. — С. 120—136.
5. Социология журналистики. М.: Аспект Пресс, 2004. — 318 с.
6. Тимофеев П. Рабочие и политика // Русское богатство. 1906. Август. — С. 165—182.
7. Щетинин Б. Около избирательных урн (Из наблюдений очевидца) // Исторический вестник. 1906. Май. — С. 508—518.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО УРОВНЯ КАЗАХСТАНА И РОССИИ

Жанат Мырзабек

*докторант Павлодарского Государственного Университета
им. С. Торайгырова г. Павлодар, Республика Казахстан
E-mail: Zh_M.pvl@mail.ru*

Агипар Бакей

*д-р экон. наук, профессор Монгольского Сельско-Хозяйственного
Университета г. Улаанбаатар, Монголия
E-mail: bakeiagipar@facebook.com*

Богатство любой страны — это люди, т. е. ее граждане. В статье 1 Конституции РК сказано что, «Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свобода» [2]. Кроме того, согласно статье 25 «Всеобщей декларации прав человека», принятой 3-сессией Генеральной Ассамблеи ООН указом 217 А (III) от 10 декабря 1948 г. «Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от него обстоятельствам» [1]. Поэтому, как важен для каждого человека его уровень жизни, так и важен он для государства в целом.

Поэтому большое значение имеет сравнительный анализ уровня жизни населения страны с другими государствами. Благодаря такому сравнительному анализу, можно определить свои преимущества и недостатки. В итоге, определив правильный курс социальной политики государства, можно эффективно ее реализовать.

В целях апробирования авторской методологии определения уровня жизни, был проведен международный анализ и сравнение состояния уровня жизни населения. Согласно данной методологии для характеристики благосостояния населения применяются 96 составляющих индексов, из которых были образованы 14 производных, на основе которых рассчитывается индекс уровня жизни населения по методу среднего геометрического значения.

В данной исследовательской работе в связи с приближенностью и схожестью благосостояния населения рассмотрены Республика Казахстан и Российская Федерация. Исследование произведено на основании данных 2011 года.

Как показало исследование, значение индекса уровня жизни населения на 2011 год составило в Казахстане — 0,3632, в России — 0,3811. В общем, не смотря на то, что уровни жизни населения двух стран значительно приближены, видны отличия по некоторым индексам. Данные ситуации касательны и производных индексов. Например, демографические индексы двух стран аналогичны, но в составляющих индексах вышеуказанного значения есть некоторые отличия.

Подробнее рассмотрим сравнительный анализ демографического состояния данных стран сформировавшихся в процессе исследования.

В Казахстане ожидаемая продолжительность жизни населения за 2011 год составило 69 лет, в том числе у мужчин — 64,2 лет, женщин — 73,8 лет [7]. В России, вышеуказанные показатели в тот период составили 69,83, 64,04 лет и 75,61 лет, соответственно [4].

На основании представленных данных в таблице 1, значение индекса вышеуказанных показателей более наглядно показано на рисунке 1. В общем, индекс уровня ожидаемой продолжительности жизни населения был в Казахстане — 0,6249, в России — 0,6350. Индекс уровня ожидаемой продолжительности жизни мужчин составил в Казахстане — 0,5737, в России — 0,5718. А индекс уровня ожидаемой продолжительности жизни женщин составил в Казахстане — 0,6778, в России — 0,7.

В том году число родившихся в РФ было 1 796,6 тыс. чел., число умерших 1 925,7 тыс. чел [5]. В Казахстане данные показатели составили 372,5 тыс. чел. и 144,2 тыс. чел., соответственно (таблица 1). Индекс уровня естественного прироста населения определен на основе соотношения вышеуказанных показателей: 0,6958 в Казахстане, 0,1601 в России (рисунок 1).

Таблица 1.

**Уровни ожидаемой продолжительности жизни
и естественного прироста населения**

	Уровень ожидаемой продолжительности жизни населения			Уровень естественного прироста населения		
	Всего Населения	Муж- чины	Жен- щины	Число родившихся	Число умерших	Соотношение
Казах- стан	69,00	64,20	73,80	372 500	144 200	2,58
Россия	69,83	64,04	75,61	1 796 600	1 925 700	0,93

Для определения уровня смертности по группам населения используем таблицу 2. Смертность на 1000 человек имеет показатель отрицательного значения. Поэтому, полученные числовые данные преобразуем на положительные. В 2011 году смертность в Казахстане на 1000 человек всего населения составила 8,7 человек, из них мужчин 9,95, женщин 7,55 и младенцев 14,84 [6].

В вышеуказанном периоде смертность в России на 1000 человек составила 13,5 человек, мужчин 17,8 человек, женщин 8,7 человек, и младенцев 7,45, соответственно. Таким образом, на основании положительных значений, которые указаны на рисунке 1, в 2011 году индекс уровня смертности всего населения составила в Казахстане — 0,5521, в России — 0,3050, индекс уровня смертности мужчин в Казахстане — 0,5902, в России — 0,2669, индекс уровня смертности женщин в Казахстане — 0,4690, в России — 0,3881, а также индекс уровня младенческой смертности в Казахстане — 0,2374, в России — 0,6197 [3].

Таблица 2.

Уровень смертности населения

	Уровень смертности населения							
	Смертность на 1000 человек		Смертность на 1000 мужчин		Смертность на 1000 женщин		Смертность на 1000 младенцев	
	Количество	Положительное значение	Количество	Положительное значение	Количество	Положительное значение	Количество	Положительное значение
Казахстан	8,7	114,94	9,95	100,50	7,55	132,45	14,84	67,39
Россия	13,5	74,07	17,80	56,18	8,70	114,94	7,40	135,14

Если в 2011 году в Казахстане количество женившихся на 100 человек 9,7, разведенных 2,7, то в России данные показатели 9,2 и 4,7, соответственно, что представлено в таблице 3. В том же году соотношение женившихся и разведенных в России 1,96, а в Казахстане 3,59, что значительно лучше. В результате данных соотношений индекс уровня женившегося / разведенного населения в Казахстане — 0,5972 и в России — 0,2608, что представлено на рисунке 1.

Как видно, из таблицы 3, в 2011 году количество женщин по сравнению с количеством мужчин в Казахстане на 589 800 человек и в России 10 764 800 человек больше. Данные показатели в соотношении с численностью населения в Казахстане 3,54 %, в России 7,52 %. В результате сложившегося состояния, индекс уровня

соотношения численности мужчин и женщин в 2011 году, как видно из рисунка 1, в Казахстане — 0,6634, в России — 0,2839.

В 2011 году в Казахстан в процессе миграции переехало 38 004 человек, а из Казахстана переехало 32 902 человек. В результате в Казахстане положительное сальдо составило 5 102 человек. Такой процесс в 2011 году имел место и в России, т. е. количество переехавших в страну 356 520 человек, количество переехавших из страны 36 477 человек, что составило значительное положительное сальдо 320 043 человек, которое представлено в таблице 4. По итогам года, как видно из рисунка 1, если индекс уровня иммиграции в Казахстане — 0,4167, в России — 0,4658, то индекс уровня эмиграции в Казахстане — 0,0160, в России — 0,8728.

Таблица 3.

**Уровень женившегося / разведенного населения
и соотношения численности мужчин и женщин**

	Уровень женившегося / разведенного населения			Уровень соотношения численности мужчин и женщин			
	Брак	Развод	Соотношение	Количество мужчин, тысяч человек	Количество женщин, тысяч человек	сальдо	Сальдо положительного значения соотношения численности населения
Казахстан	9,7	2,7	3,59	8 042 800	8 632 600	589 800	28,27
Россия	9,2	4,7	1,96	66 050 300	76 815 100	10764800	13,29

Таблица 4.

Уровень иммиграции и эмиграции

	Уровень иммиграции			Уровень эмиграции	
	Численность населения	Численность иммигрантов	Соотношения к численности населения	Численность эмигрантов	Положительное значение
Казахстан	16 675 392	38 004	0,0023	32 902	506,82
Россия	143 056 383	356 520	0,0025	36 477	3 921,82

В соответствии с вышеуказанными данными, в 2011 году, в Казахстане и в России, если оценить с помощью рисунка 1, индекс уровня демографии составил в Казахстане — 0,5095, в России — 0,4608.

На основе приведенного анализа демографического состояния двух стран, можно выделить следующие моменты, которые необходимо учесть в демографической политике вышеуказанных стран.

Так как для Казахстана остро стоит проблема эмиграции и младенческой смертности, необходимо проводить действенные государственные мероприятия в данном направлении. В случае с Россией в связи с проблемами естественного прироста населения, общей смертности, смертности среди мужчин, количества женившегося/разведенного населения, считаем необходимым проводить активную демографическую политику.

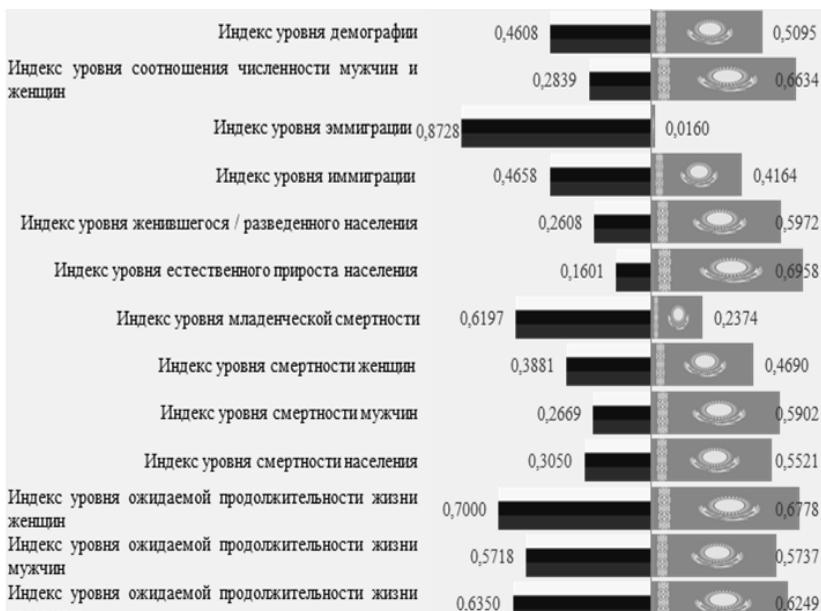

Рисунок 1. Индекс уровня демографии за 2011 год РК и РФ

Список литературы:

1. Всеобщая декларация прав человека [принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.].
2. Конституция Республики Казахстан, Алматы: «Жеты-Жаргы», 1995 г.
3. Российский статистический ежегодник. 2012. — Стат. сб. / Росстат. — Р 76 М., 2012. — 786 с.
4. Статистическое агентство РК. Веб-портал [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.stat.kz, www.stat.gov.kz.
5. Федеральная Служба Государственной Статистики. Веб-портал [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: stat@gks.ru.
6. «Қазақстан 2011 жылы». / Статистический ежегодник. — Астана, 2012. — 496 с.
7. «Қазақстандағы халықтың тұрмыс деңгейі». / Статистический сборник. — 2010.

СЕКЦИЯ 3. ФИЛОСОФИЯ

3.1. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО СОЗНАНИЯ КАК ПОТРЕБНОСТЬ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В РФ

Козлова Ольга Валериевна
канд. философ. наук, доцент ЧГУ,
г. Череповец

Необходимость формирования гражданского сознания в обществе, во-первых, способствует наиболее адекватной идентификации этносов среди столь многоплановых цивилизационных, культурных, политических, этнических, конфессиональных антропоморф современного мира, во-вторых, поднимает уровень плебсологического сознания масс граждан и подданных, как полагающих себя самостоятельными и автономно суверенными по отношению к государству, так и полностью бесправными, зависящими от политической воли власть предержащих. А.И. Соловьев верно утверждает: «Ядро цивилизационных установок и ориентиров человека по-разному проявляется в обыденном дискурсе, политике, экономике, административных сферах если в быту окружающая среда, как правило, благоприятствует проявлению цивилизационных предпочтений, то в административной господствующие там нормы и институты способны подавить многие проявления этих культурных ориентиров» [1, с. 4]. Понимание народом роли и места государства в своей жизни должно стремиться к их более адекватной оценке. Само государство, широко используя политехнологический арсенал, не имеет права «заиграться», не учитывая цивилизационной, культурной составляющих бытия народа, как подлинного источника политической власти. Политические институты «призваны не столько

формализовать, сколько оформлять идущую снизу активность населения, не фиксировать чьи-то позиции, а адаптировать диалог элитарных и неэлитарных слоев к реальным возможностям применения власти» [1, с. 4]. Гражданское общество составляют наиболее активные, публично-ориентированные люди, общественные организации и движения. Немаловажными в бытии гражданского общества являются идеологическая и психологически-цивилизационные составляющие, основными средствами формирования которых в современном мире выступают СМИ, институты образования, политические и экономические реалии общественной жизни, а также уровень быта граждан. Именно совокупность всех этих средств не учитывают часто не только формальные субъекты политики, но и элита гражданского общества, которые либо делают акцент на популизме, осуществляя патернализм в конкретных проявлениях (проблему города Крымска решает сам Президент РФ, а министры не в состоянии осуществить бюджетную политику в сфере своего ведения, при этом отделяются выговорами), либо не учитывают столь кардинально отличающийся уровень жизни граждан, пытаясь вовлечь их в активную политическую деятельность (участие в митингах, демонстрациях и т. п.), либо утверждают эффективность лишь парламентских форм демократии. Значительная часть граждан РФ разочаровалась в любых формах правомерного воздействия на власть, ощутив на себе либо их не результативность, либо карательное воздействие. Будучи незащищенными материально, граждане опасаются (боятся), прежде всего, потерять место работы. Видя на митингах обеспеченных, богатых представителей городов Москвы, Санкт-Петербурга, граждане из глубинки воспринимают публичную политическую активность таких представителей как Т. Канделаки, Б. Немцов, Касьянов, как политическое шоу, участники которого преследуют карьерные цели. Такая аксиологическая разноплановость свидетельствует о том, что гражданское сознание только зарождается в РФ, но при этом уже подразделяется на сознание элитарное и сознание «плебеев».

Гражданское общество в идеале должно сформироваться правовыми, но демократическими методами. Так, например, известные общественные советы при Президенте РФ. Почему их состав не избирается публично народом? Почему в них не представлены интересы различных слоев населения? Неужели наше общество столь единогласно? А заседания Совета по культуре (сентябрь 2012 г.) представляют собой не столько форму совета с людьми, обратившими внимание на действительно важные и требующие решения вопросы,

сколько форму «обращения-просьбы к Президенту РФ», как единственно могущему и должному воплотить их в жизнь. И каждое обращение заканчивалось мудрым обобщением (что верю, что нет, что возможно, что невозможно) В.В. Путина, который, на наш взгляд, проводит по-прежнему политику патернализма. При этом следует отметить тот факт, что значительная часть материально необеспеченных, экономически нестабильных масс граждан поддерживает такую политику. На наш взгляд, политика патернализма неэффективна как на малых, так и на больших пространствах: если чиновники и должностные лица не хотят соблюдать законы (в городе Череповце Вологодской обл. в поликлиниках бахилы пациентам по-прежнему предлагается покупать, а родителям учеников — учебники), то не сможет один президент или прокурор поймать всех их за руку, как не могут они одни и контролировать полностью качество создаваемых дорог, зданий, машин. Гражданское сознание необходимо формировать и у самих чиновников, вернее, у тех, кто стремится во власть, иначе будет поздно: властолюбие портит человека, который власть использует для себя, он таким пришел во власть. Поэтому властолюбцев от власти надо отсеивать. Вопрос в том — как? Необходимо кардинально менять механизм вхождения человека во власть, как включающий в себя оценку будущего чиновника прежде всего, как нравственно выросшего профессионала.

Плебсологическое сознание в России может быть развитым, на наш взгляд, либо когда массы граждан находятся в состоянии какого-либо «края» (достал правовой беспредел чиновников, депутатов, полицейских, пьяных на дорогах, но не в институтах власти; не на что кормить семьи, когда им невозможно жить в таких условиях), — действуют плебсологические законы массовой агрессии в условиях толпы и узаконивания законного себя с участием умеренной человеческой массы, «потока» как естественно-социального механизма агрессии; либо, когда общество добьется принятия законов, способствующих созданию и реализации такой системы отношений, как между человеком и государством, так и между всеми социальными, профессиональными, территориальными, конфессиональными и иными группами и личностями, при которой субъекты онтологизируют на практике, а не только идеально констатируют в Конституции РФ равноправие субъектов, как граждан прежде всего, в таком случае осуществляется плебсологический закон построения мирового классического гражданского общества, как развитого адекватно культурному хронотопу феномена.

Социально-политические рамки современного российского общества отличаются непопулярностью и недопустимостью для «простых граждан» контроля над властью, отчужденностью от государственных институтов (последние явно противопоставляют себя тем, кто их избрал, ощущая себя небожителями), по сути, формально осуществляемым местным самоуправлением, сакрализацией центров власти, ощущающих свою безответственность перед страной и народом.

Довольно интересен с гносеологической позиции факт открытой поддержки властью конкретного социального института — РПЦ — с его широкомасштабными социальными, экономическими, духовными амбициями. Парадоксальность части российского плебологического сознания для нас заключается в признании духовным лидером института, который в современных социальных реалиях проявляет себя далеко не высоконравственным, а прежде всего институтом стяжательским, как раз в духе капитализма. Сохранение культурных ценностей (их сохранили), восстановление клерикальных табу — процесс культурно необходимый, но почему он проявляется именно как процесс приватизации, со всеми отрицательными последствиями?

Невозможно не согласиться с уже цитируемым А. Соловьевым, что и сегодня России характерны типологически единые формы отношения к деятельности: общественная пассивность (даже в случае сокращения прав и свобод граждан), игнорирование правовых институтов, персонификация власти, склонность к радикализации протеста, неизбывное черносотенство с его готовностью к крестовым походам против «иноверцев», «массонов», отношение к власти как к источнику силы, определяющей социальный порядок [См.: там же, с. 7].

Список литературы:

1. Соловьев А.И. Цивилизация versus политика. Российские иллюстрации. // Власть. — 2007. — № 8. — С. 3—11.

РОЛЬ ДОМАШНЕГО ТРУДА В ИНСТИТУТЕ СЕМЬИ

Чухно Валентина Ивановна

аспирант ПНПУ,

г. Полтава

E-mail: valentina_4u@mail.ru

Семья является структурным элементом общества, который в себе объединяет различные аспекты его жизнедеятельности и функционирует на разных уровнях социальной практики: общественно-историческому, индивидуальному, духовному, материальному. Семья всегда будет тем микросоциумом общества, в котором формируются, укрепляются, передаются традиции, обычаи, свойственные определенному обществу. В процессе социализации, как отмечает Т. Цюркало, индивиду передаются не только знания, но и определенные социальные ценности и нормы, которые становятся функциями сознания и постепенно реализуются в ценностных ориентациях и реальному поведению личности [9], поэтому, рассмотрение семьи изнутри отражает сферу личной и общественной жизни человека. «Процесс социализации ребенка определяется атмосферой семьи, ее традициями, идеалами, бытовой организацией жизни» [6, с. 105]. В таком случае, семья должна быть здоровой полноценной структурой. Но если она не до конца реализует свою социализирующую функцию, возможным становится образование деструктивных явлений в обществе. Таким образованием можно считать существующую в обществе гендерную асимметрию.

Цель статьи — раскрыть роль домашнего труда в системе семейных отношений, а также показать, что гипотеза о несовместимости профессиональных и домашних обязанностей сконструирована в соответствии с историческим развитием общества.

Спровоцированный стереотипами конфликт публичного и частого отслеживается в разных сферах семейной жизнедеятельности. В рамках статьи рассматривается функционирование гендерных стереотипов в сфере домашнего хозяйства. Традиционная роль домохозяйки и матери самая статичная в патриархальном обществе. Переход к отношениям, которые основываются на паритетном взаимодействии, предусматривает смену стандартов стереотипов. Домашняя работа — это экономическая категория, вид труда, имеющий социальное значение. Смена статуса жены в семье и привлечение мужа к исполнению работы по дому сориентированы

на урегулирование конфликта между публичной и частной жизнью женщины.

Исследование явления «домашний труд» относится к методологическим проблемам. Известно, что специфика домашних обязанностей зависит от позиций, которые они занимают между бесплатным и оплачиваемым трудом, и их содержания, которое отличается в индустриальных странах, и странах третьего мира. «В разных культурах в разное время, — как отмечает М. Ферри, — не было чего-то одного, что бы постоянно определялось как домашняя работа» [4, с. 87].

В данной статье понятие «домашнее хозяйство» рассматривается как неформальный социально-экономический институт, специфика которого заключается в неформальных социально-экономических отношениях. Структура этого института формируется под влиянием социокультурных особенностей (традиции, классовая принадлежность, образование и т. д.) и социально-демографической карты (возраст, пол).

Гендерный анализ домашний труд рассматривает как экономическую категорию и направлен реконструировать традиционные представления о оплачиваемой работе и ведении домашнего хозяйства, распределении доходов в семье.

Традиционно, мужчине приписывается роль работника, который в материальном плане обеспечивает семью. В отличие от феминистской концепции, гендерная перспектива, по словам Т. Гурко, проверяет реальность этой версии и требует большей исторической аккуратности, ставя под вопрос два ключевых элемента мифа мужского доминирования [1].

Первый — вклад женщины в экономику хозяйства. Несмотря на то, что домашний труд часто воспринимается как естественная часть того, что значит «быть женщиной», идея домашней работы как специфической формы труда возникает в период индустриализации как противопоставление оплачиваемой работе [2, с. 131]. Интерпретация позиций женщины на рынке труда как нетипичного явления нуждается в переоценке, поскольку она всегда работала [4]. Второй элемент — работа мужчины — это часть гендерной структуры занятости, что меняется со временем. Социальная конструкция мужчины как «работника», который приносит зарплату и большую часть времени проводит вне дома, это, по мнению Т. Гурко, феномен поздней индустриальной эры, поэтому социальная связь маскулинности с ролью «кормильца» — новая, а не «традиционная» [1].

Распределение труда в семье зависит от перемен, которые происходят на рынке труда в сфере занятости. За последние годы рынок труда кардинально изменился, а привилегии экономических позиций мужчин, по сравнению с женщинами, как отмечает К. Герингтон, практически сnivelированы [5]. Поэтому, распределение семейных обязанностей происходит в соответствии с тремя моделями. Первая модель трудовой зависимости — традиционная (занятость женщины на рынке труда второстепенна и не имеет отношения к ее домашним обязанностям); вторая — эгалитарная модель адаптивного партнерства (муж делает часть домашней работы, когда занятость жены увеличивается); третья — переходная модель постепенной адаптации (распределение домашних обязанностей происходит в течении длительного периода) [8]. Современное общество представляет собой третью модель трудовой зависимости, когда отношения, основаны по принципу эгалитарности, только начинают конструироваться.

Гипотеза, в соответствии с которой профессиональные и домашние обязанности — это несовместимые явления, отмечает М. Ферри, исторически сконструирована [4]. Такой подход к рассмотрению статусов женщины и мужчины в обществе связан с патриархальным способом жизни, «маскулинным по своей сути, отличительной чертой которого является жесткая детерминация структуры социальных отношений с преимуществом авторитарного типа управления» [7, с. 205].

Современные условия жизни обостряют конфликтность социальных ролей женщины, которая возникает в связи с отказом женщины от работы ради семейного уюта; с занятостью женщины на производстве, что уменьшает рождаемость; с существующими в обществе патриархальными представлениями о предназначении женщины, что затрудняет процесс ее личностной самореализации. Женщина оказывается перед проблемой сохранения семьи и выживания в сложившейся ситуации. В данном случае, отношения между супругами, детьми и родителями также усложняются. Традиционно считается, что за удовлетворение потребностей семьи отвечает женщина. Как следствие — чрезмерная перегруженность домашней работой. Домашняя работа, отмечает Т. Гурко, это гендерный труд, отражающий социальную значимость маскулинности и феминности и, таким образом, власть [1]. Внутрисемейная работа жены (эмоциональная поддержка, домашний труд и т. д.) служит средством для поддержания политического и экономического доминирования мужчины. Таким образом, мужчина присваивает

женский труд. Данный процесс переходит с частной сферы (семьи) в публичную сферу.

Ведение домашнего хозяйства — это бесплатный труд, благодаря которому муж способен обеспечить семью: его профессиональные достижения зависят от женской поддержки. Это явление Х. Папанек называет «одной карьерой на двоих». Карьера и мужская работа — гендерны, они стают действительностью в случае семейной поддержки, которую Т. Гурко также считает гендерной [1]. В связи с этим, изменения условий, возможностей работы для женщин предполагают изменения для мужчин. В настоящее время, бесплатная домашняя работа женщины на уровне отдельных служб оплачивается (уборщица, гувернантка, нянечка).

Но, несмотря на существующее предположение, что обязанность вести домашнее хозяйство — это следствие отсутствия власти у женщины, необходимо отметить следующее. Домашнее хозяйство — это ресурс, который позволяет женщине отодвинуть мужчину на второй план. С помощью увеличения обязанностей в семье физический труд женщины (уборка, готовка) заменяется организационным. С момента распределения домашних обязанностей, освоения территории и накопления опыта женщина, по мнению Т. Лыткиной, использует домашний ресурс в своих интересах и становится единственным компетентным лицом в ведении домашнего хозяйства [3, с. 87]. Вследствие чего, она получает право влиять на жизнедеятельность семьи.

Таким образом, домашний труд влияет на характер отношений как в семье, так и обществе, поскольку определяет процесс личностной самореализации мужчины и женщины.

Список литературы:

1. Гурко Т.А. Критика концепции половых ролей. Применение феминистской методологии к анализу супружества / Теория и методология гендерных исследований. — М., 2001.
2. Клецин А. Распределение домашних обязанностей между супругами: факты, проблемы, интерпретации // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2003. — Том VI, № 2. — С. 120—136.
3. Лыткина Т.С. Домашний труд и гендерное разделение власти в семье // Социологические исследования. — 2004. — № 9. — С. 85—90.
4. Ферри М. Феминизм и семейные исследования // Гендерные тетради (пер. Гурко Т.А.), Вып. 2. СПб. СПб филиал Института социологии РАН, 1999. — С. 71—96.

5. Герінгтон К. Фалічна маскуліність як химера // *І. Незалежний культурологічний часопис*. — 2003. — № 27. — С. 71—93.
6. Івасюк Ю. Сучасний стан соціокультурної функції української сім'ї // *Психологія і суспільство*. — 2007. — № 4. — С. 105—109.
7. Кехтер М. Гендерна рівність: інтеграція жіночого як складової нової еволюційної парадигми // *Філософія освіти*. — 2005. — № 2. — С. 204—212.
8. Лукашевич М.П. Соціологія економіки: підручник. К.: Каравелла, 2005. — 288 с.
9. Цюркало Т.І. Дослідження інституту сім'ї в лоні соціально-філософського знання // *Вісник національного технічного університету України "Київський політехнічний інститут". Філософія. Психологія. Педагогіка*. — 2009. — № 2 (26) [Електронний ресурс] — Режим доступу. — URL: www.nbuv.gov.ua/portal (дата обращения: 16.03.2012).

3.2. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ОФИЦЕРСКИХ ТРАДИЦИЙ В РОССИЙСКОЙ АРМИИ

Широкова Вера Валерьевна

*преподаватель ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия
Министерства юстиции РФ» Средне-Волжский филиал,
соискатель кафедры философии для гуманитарных специальностей
историко-социологического института МГУ им. Н.П. Огарева
(г. Саранск),
E-mail: vera-selezneva@mail.ru*

Воинские традиции являются частью национально-государственных традиций. Под ними понимаются устойчивые, исторически сложившиеся, передаваемые из поколения в поколение специфические формы общественных отношений в армии и на флоте в виде порядка, правил и норм поведения военнослужащих, их духовных ценностей, нравственных установок и обычаев, связанных с выполнением учебно-боевых задач, организацией военной службы и воинского быта.

Традиции офицеров Русской армии сложились не сразу. Они не проникали в армию случайно и не были скопированы с готовых образцов, а имеют глубокие корни в военной истории нашего Отечества, рождались в течение многих веков, выковывались в тяжелом военном труде, на полях сражений, возникали и утверждались в походах Святослава, на льду Чудского озера, в страшной сече Куликовской битвы, под кровавым солнцем Полтавы, Измаила, на Бородинском поле, в окопах Сталинграда, на Курской дуге [1, с. 46]. Традиции стойкости воинов Российской армии нашли свое логическое развитие у стен Москвы, Бреста, Ленинград, Одессы и многих других городов в годы Великой Отечественной войны. Об этом свидетельствует незабываемый подвиг небольшого гарнизона солдат 7-й стрелковой роты 42-го гвардейского стрелкового полка 13-й гвардейской стрелковой дивизии 62-й армии, который около двух месяцев удерживал четырехэтажный дом на площади 9 января в Сталинграде от яростных атак гитлеровцев [1, с. 47].

Особая важность обычаев для войск заключается в том, что для офицера военная служба остается поприщем постоянной

деятельности. От его навыков и умений, как командира и воспитателя, зависит в полной мере степень воинской и моральной подготовки личного состава частей и подразделений. Важным признаком офицерских традиций выступает их преемственность (повторяемость), то есть передача того, что сложилось и утвердилось ранее, последующим поколениям. Обычаи выступают как связь прошлого, настоящего и будущего. Этот признак в большей степени, чем другие, отражает патриотизм образа жизни, действия, мысли, чувства, поступки предыдущих поколений в борьбе с врагами своего Отечества. Необходимость преемственности офицерских традиций (обычаев) в Российской армии требует, чтобы лучшие из них сохранились в современных условиях.

Сейчас, когда уже в принципиально иных условиях ставятся вопросы о защите Отечества, о воинском долге, о воспитании воинов, об офицерской чести, развитии демократии в армии и на флоте, обращение к офицерским традициям России вполне оправдано и полезно. Следует бережно сохранять, упрочивать и развивать все что питало и обогащало военную культуру России.

«Создавая собственные Вооруженные Силы, Российская Федерация охраняет и подтверждает преемственность лучших боевых и героических традиций российской армии», — говорится в указе Президента России «О создании Вооруженных Сил Российской Федерации» [4].

Патриотизм и верность воинскому долгу — это те морально-духовные качества воина, которые делают армию непобедимой.

Не будучи патриотом, стать надежным защитником Родины невозможно [3, с. 267]. Идеи патриотизма, боевые традиции русского офицерства постоянно обогащались и развивались. Комплекс традиций русской армии весьма разнообразен: от сложных нравственных качеств до элементов строевой выучки офицера. В современной историко-военной литературе предложено несколько оснований для классификации традиций: традиции в сфере боевой и учебно-боевой деятельности, традиции отражающие повседневный воинский быт.

Традиции в сфере боевой деятельности — это верность боевому знамени и защита его в бою, при любых обстоятельствах воспрепятствование захвату его противником; верность военной присяге и воинскому долгу; достижение победы малой кровью; не обижать мирного жителя; пленному — пощада; драться до последней капли крови, предпочитая гибель сдаче в плен; внимательное отношение к подвигам и отличиям подчиненных в бою

и забота о своевременном награждении героев; защита командира в бою, коллективная выработка решения в экстремальных ситуациях и другие. Эти традиции выражают беспредельную любовь и преданность офицеров Родине, братскую взаимопомощь и выручку [2].

Традиции в сфере учебно-боевой деятельности — это передача передового опыта, обучение на повышенном уровне трудностей; сохранение полковых реликвий и исторических предметов; верность отечественному оружию; отдавание почестей местам сражений и захоронений воинов и другие. На этих традициях воспитываются высокие морально-боевые качества, необходимые для победы в бою [2].

Традиции, отражающие повседневный воинский быт — есть уважение к старшему по чину; неукоснительное соблюдение уставных правил, требований воинского этикета; рыцарское отношение к женщине и другие. Все это служит развитию высоких нравственных качеств у офицеров [2].

Патриотизм, верность своему Отечеству почитались и почитаются выше всего в офицерской среде. Большинство офицеров русской армии видели смысл своего существования в служении Отечеству.

Анализ исторического опыта становления и развития традиций русского офицерства позволяет выявить и использовать в современном военном строительстве ряд рекомендаций:

Во-первых, во времена крутых перемен в политической жизни страны, бездумность и неосторожность государственного руководства в отношении традиционных устоев армии может привести к самым печальным последствиям. Поспешность и безоглядность новой военной политики Временного Правительства в 1917 г. стало одной из причин разложения одной из наиболее сильных армий мира. В результате при создании регулярной Красной Армии в июле 1918 г., вернулись к традиционным принципам строительства и функционирования Российских Вооруженных Сил. Следовательно, невозможно реформирование военной организации страны, без опоры на старые, испытанные временем, традиции.

Во-вторых, только те нововведения в войсках будут жизненны, которые соответствуют их национальному характеру, не противоречат народному духу воина и офицера. С другой стороны, многонациональность призывного контингента России требует внесения необходимых коррективов в практику подготовки офицеров с учетом соответствующих национальных традиций и обычаев.

Исторический опыт показывает, что важнейшие воинские традиции Российской армии находили свое закрепление в системе

военного законодательства. Это обстоятельство делало их обязательным к исполнению и во многом объясняло их действенность и высокую живучесть.

Исходя из этого, третьей рекомендацией является необходимость закрепления традиций, особенно зарождающихся, соответствующими нормативно-правовыми документами, с целью усиления их регулирующей воли в военных коллективах.

В-четвертых, для достижения высокой эффективности традиций армии, необходимо учитывать комплексный характер их влияния на сознание и психику военнослужащих. Это предполагает, наряду со всемерным развитием боевых традиций, постоянное внимание командиров и начальников к традициям обучения и воспитания войск и их повседневного быта [1, с. 52—54].

Таким образом, в традициях офицеров Российской армии кроется большая нравственная сила. Правильный учет их в современной практике воинского строительства поможет значительно усилить боевую мощь Вооруженных Сил, сделать их достойными своих предков, покрывших себя неувядаемой славой в сражениях за защиту интересов Отечества. Облик армии во многом зависит от культуры ее офицеров, от их готовности к служению, их достоинства и чести, верности долгу и Отечеству. Доблесть, честность, образованность, воспитанность, благородство мыслей и поступков — вот те черты, которые в нем особенно ценились всегда. Российское офицерство должно помнить девиз русской армии «Жизнь — Отечеству, честь — никому!»

Список литературы:

1. Дорохов Н.И., Илиевский Н.В., Коротков Г.И. Традиции офицеров русской армии. — Жуковский; М.: Кучково поле, 2004. — 320 с.
2. История становления и традиции офицерского корпуса русской армии // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.shtab.su/publ/vospitatelnaja_rabota/ogp/istorija_stanovlenija_i_tradicii_oficerskogo_korpusa_russkoj_armii/11-1-0-102 (Дата обращения 15.02.2013).
3. Максимов С.Г. Русские воинские традиции. — М.: Вече, 2010. — 320 с.
4. Указ Президента РФ от 07.05.1992 г. № 466 «О создании Вооруженных Сил Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1992. — № 19. — Ст. 1077.

3.3. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

СИСТЕМНО-ДЕСКРИПТОРНАЯ НАГРУЖЕННОСТЬ НАУЧНОГО ФАКТА

Нерубасская Алла Александровна

*канд. филос. наук, доцент ОНАС им. А.С. Попова,
г. Одесса*

E-mail: saylor03@ukr.net

Системно-параметрический анализ сложных систем, какими являются гносеологические объекты научный факт и интерпретирующая его теория, актуален и диктуется экзистенцией человека в обществе и для общества. К тому же в философии нет специальных исследований этих проблем с позиции системного подхода. Эта проблема актуализируется и в условиях роста междисциплинарных научных исследований.

Особую актуальность проблеме придает потребность в переосмыслении судьбоносных событий в истории Украины и других стран бывшего СССР в условиях независимости, борьбы за демократические изменения, повышения роли в мировом содружестве. Факты, какой бы природой они не обладали, например, научной или политической, могут быть проинтерпретированы, т. е. получают новый смысл в рамках какой-либо концепции, теории, идеологии.

К тому же проблема потребности постоянной переинтерпретации фактов появляется во всех областях науки, где человек сталкивается с невозможностью однозначного определения и осмысления посредством существующих систем знания. Восприятие и пояснение окружающей действительности, которые постоянно изменяются в результате взаимозависимого существования человека с миром, приводит к необходимой переинтерпретации фактов.

В истории развития научного и философского мышления по проблеме соотношения факта (эмпирического уровня познания) и теории (теоретического уровня познания) сложились две концепции: эмпиризм и теоретизм. В эмпиризме чувственный опыт считался единственным источником знаний, все знание пытались обосновать только на основе опыта и посредством опыта. В отличие от эмпиризма в теоретизме признается решающим элементом знания теория. Эмпиризм в его идеалистическом виде представляют Беркли, Юм,

Мах, Авенариус, Богданов, логические эмпирики и т. д. Опыт ими ограничивается совокупностью ощущений или представлений, отрицается, при этом, что в основе опыта лежит объективный мир. В материалистическом эмпиризме, представленном в работах Ф. Бэкона, Гоббса, Локка, французских материалистов XVIII в., считавших, что источником чувственного опыта является объективно существующий внешний мир, всеобщий и необходимый характер знаний выводят не из ума, а из опыта [4, с. 426].

Коллектив московских исследователей, С.А. Лебедев, А.Н. Авдулов, Г.Б. Бромберг, В.Г. Борзнеков, В.В. Ильин и др. эмпиризм определили как «одну из основных интерпретаций природы научного знания, согласно которой главным источником, основанием и критерием истинности любых утверждений науки является их соответствие конкретному множеству эмпирических (чувственных) данных» [11, с. 29]. Яркими представителями этого течения являлись так же Дж.Ст. Милль, Р. Карнап, К. Поппер и др.

Теоретизм определяется как «одна из основных интерпретаций природы научного знания, согласно которой главным источником, основанием и критерием истинности любых утверждений науки и особенно фундаментальных научных теорий (парадигм) не их соответствие конкретным эмпирическим данным, а их внутренняя непротиворечивость, конструктивная полезность, приемлимость для научного сообщества и органическая «вписываемость» (гармония) в структуру наличного (непроблематизированного) знания» [11, с. 29].

Существуют онтологические различия между теоретическим и эмпирическим знанием. Онтология в теоретизме представлена, по мнению ученых [11, с. 145], миром мысленных, идеальных конструктов («чистых ощущений»). Онтология эмпиризма — это мир принципиально наблюдаемых, эмпирических предметов. **Целью** нашего исследования будет выразить эти идеи в системных категориях, на системно-параметрическом языке, использующем системные связи, где эмпирия и теория могут находиться в связанном отношении, а в качестве основания различия этих позиций будет выступать системное положение факта и объясняющей его теории.

Исследования связи эмпиризма и теоретизма, используя системные категории, проводила д-р филос. наук Л. Терентьева [7], [8]. В предлагаемой работе будут продолжены исследования в данной тематике.

В рамках системного метода — эмпиризм и теоретизм — это будут коренным образом различающиеся системные модели. «Существовать в эмпирическом мире — значит иметь такое

предметное содержание, которое принципиально наблюдаемо и многократно воспроизводимо» [11, с. 146]. В эмпиризме факт занимает центральное, устойчивое место, а теория находится в его подчинении. Экспериментатор и факт являются в некотором смысле «судьями» теории. Если теория и следствие оказываются несопоставимыми с экспериментальными данными, то теория отвергается [1]. В эмпиризме восхождение от частного к общему, т. е. индукция, дает в заключении предположительное, гипотетическое знание. По-нашему мнению, на формализованном системном языке эмпиризму присущи такие схемы роста знания: 1) $m+m+m\dots+m \rightarrow (m)P$ — субъектно-предикатная формула, где m — отдельные факты эмпирического поля, P — свойство. 2) $(m)P_1 + (m)P_2 + \dots + (m)P_k \rightarrow (m)R$, где R — это отношение.

Рассмотрим эмпиризм и теоретизм как системы. Прежде всего, необходимо найти их концепты, т. к. субстратом могут выступить философские тексты и идеи, а структурой сама философская концепция этих течений. Субстрат, структура и концепт системы — это ее дескрипторы. В упрощенном виде концепт, как цель данной философской системы, можно вывести из самого названия данной философской школы: цель эмпиризма — это ориентация на эмпирические науки, поиск проверяемости теорий на основе опыта (принцип верификации, принцип фальсификации); цель теоретизма — это ориентация на теоретическое обоснование гипотез, концепций. В системной модели теоретизма центральной идеей является концепция зависимости факта (эмпирического знания) от теории. Усложняются функции теоретической интерпретации факта: добавляется объяснительная и прогностическая функции теории. Здесь теория выходит на роль «судьи». Факт объявляется «теоретически нагруженным».

Идея зависимости фактов от теории была выражена на языке теоретической «нагруженности» [5], [10]. Факты поставили в зависимость от теории постпозитивисты Т. Кун, П. Фейерабенд и др.

«Зависимость» субстрата от структуры и концепта, на наш взгляд, можно рассмотреть как «нагруженность». Используя параметрическую ОТС, разработанную доктором философских наук, А. Уемовым, построим модель механизма «нагруженности» субстрата, который выступает в научной теории как эмпирический базис. Если факты представить как субстратный уровень теоретической системы, то можно допустить, что этот субстратный уровень подвергается структурной и концептуальной нагруженности.

Существует двойная зависимость субстрата от структуры и субстрата от концепта. Эту зависимость можно рассматривать как 1) зависимость субстрата от структуры (атрибутивной или реляционной), 2) зависимость структуры от концепта.

Выделим виды «нагруженности» научного факта, используя формализацию системного языка и параметрическую общую теорию систем, а также системную связанность слоев знания, «нагружающих» событийную часть факта. Событийная часть факта не меняется. В ходе развития научных теорий меняется интерпретация событийной части. Научный факт — это событие, интерпретированное учеными в рамках той или иной теории.

Виды «нагруженности» в рамках системного рассмотрения можно представить так:

1. **концептуальная «нагруженность»** событийной части научного факта;
2. **структурная «нагруженность»** событийной части научного факта;
3. **субстратная «нагруженность»** событийной части научного факта.

Концептуальная «нагруженность» событийной части научного факта — это «нагруженность», которая может образоваться в случае рождения нескольких переинтерпретирующих теорий, т. е. тех теорий, которые событийную часть исследуют, каждая по-своему, и в контексте каждой из теорий мы получаем новый научный факт, хотя с одним и тем же событийным содержанием. В этом случае событийная часть научного факта «нагружается» целой научной концепцией. Структурную «нагруженность» событийная часть может получить в результате включения ее в структуру теоретической системы. Субстратная «нагруженность» — это «нагруженность» событийной части факта с эмпирическим рассмотрением.

Можно рассмотреть некоторую зависимость субстрата от концепта и структуры. Факт может выступать субстратом системы. Над субстратом располагается структура, которая «нагружает» собой субстратный факт. Но и структура, в свою очередь, «нагружена» концептом. А это значит, что субстрат «нагружен» и структурой, и концептом, т. е. речь идет о двойственной «нагруженности». О такой нагруженности писала д-р филос. наук, Л. Терентьева.

На наш взгляд, как отмечалось выше, существует три разновидности «нагруженности», по типу трех системных дескрипторов: концепта, структуры и субстрата. Если следовать утверждению, что концепт системы объект определенный [9, с. 126] и это значит,

что он известен еще до того, как получена какая-либо информация о системе, то, как системообразующее свойство, концептуальная «нагруженность» научного факта может характеризовать свойство системы. Но концепт системы — это еще и системообразующее отношение, удовлетворяющее какому-либо свойству, значит, если есть отношение в системе, значит концептуальная «нагруженность» факта — это высокий теоретический уровень системы.

Структурная «нагруженность» научного факта может представлять собой как «нагруженность» системообразующим отношением, так и «нагруженность», которая идет от всей совокупности отношений между элементами. Более того, как утверждается, структура может быть инвариантом [9, с. 127], а значит, по нашему мнению, «нагружаться» как минимум два раза. Например, законы Кеплера, в ходе развития науки получают статус структурных элементов по отношению к тем субстратным данным, которые открыл Т. Браге [3].

Спорный вопрос появляется в отношении субстратной «нагруженности» научного факта. На наш взгляд, существует и этот вид «нагруженности», но только не самого факта, а его событийной стороны. Обратимся к чувственному познанию, которое, как известно, отличается от эмпирического. Чувственное знание — это знание в виде ощущений и восприятий свойств вещей, непосредственно данных органами чувств. Эмпирическое знание — это как бы следующий этап познания, а значит и эмпирический уровень знания — это уровень, который мы получаем не непосредственно, а опосредовано, «нагружая» им чувственный опыт. Тогда можно утверждать, что субстратная «нагруженность» как опосредованно полученное значение существует.

В процессе развития научного знания, существует еще один этап, который может называться субстратной «нагруженностью» — это момент попадания фактического материала со структурного или концептуального уровней снова на эмпирическое поле. Например, те же законы Кеплера, утрачивая свою структурную значимость в исследованиях Ньютона, получают субстратное значение в механике Ньютона.

Как и в случае со структурой, один и тот же субстрат может находиться в основе систем с различными отношениями элементов, а значит, может выступить инвариантом системы. Например, математическая физика содержит целый ряд постоянных величин, например, c — скорость света, G — постоянная тяготения и др.

Эти постоянные участвуют в основных уравнениях физики. Б. Рассел отмечает, что «основные постоянные представляют собой то, что остается от грубых фактов после всего того, что может быть сведено к уравнениям. Следует отметить, что мы гораздо более уверены в значении этих постоянных, чем в той или иной их интерпретации» [6, с. 76]. Обращаясь к схеме «нагруженности», событийные части факта, которые рассматриваются как субстрат (m) системы — это и есть постоянные, их теоретические интерпретации — это P-свойства.

Постоянная Планка словесно выражалась различными способами, однако, все эти изменения нисколько не повлияли на ее числовое значение. Что бы ни случилось с квантовой теорией в дальнейшем, можно быть уверенным, что постоянная h сохранит свое значение. То же самое можно сказать и о других константах. Электроны могут полностью исчезнуть из основных принципов физики, но «е» и «m» выживут. В известном смысле можно сказать, что открытие и измерение этих постоянных является наиболее прочным достижением современной физики. Все остальные изменения относятся только к интерпретационной части научного факта, а значит к теории.

Возвращаясь к субстратному уровню системы, заметим, что и субстратный уровень, может «нагружать» и выступить как «нагруженность» событийной части научного факта, его чувственного уровня, хотя как самая слабая из всех дескрипторных видов «нагруженности». А.Эйнштейн, акцентируя внимание на эмпирическом уровне, говорил, что наука должна начинаться с фактов и оканчиваться ими вне зависимости от того, какие теоретические структуры строятся между началом и концом [13]. Поэтому выделить субстратную «нагруженность» мы считаем необходимым, наравне с двумя другими видами, выделить в отдельный вид системной «нагруженности», а именно, в системно-субстратную.

Список литературы:

1. Гносеологические аспекты измерений. — Киев: Наукова думка, 1968. — 304 с.
2. Даннеман Ф. История естествознания. //Пер. с нем. П. Юшкевича. В 3-х томах. Т. 2. — М.: Наука, 1938. — С. 13—14.
3. Даннеман Ф. История естествознания. //Пер. с нем. П. Юшкевича. В 3-х томах. Т. 2. — М.: Наука, 1938. — С. 13—14.
4. Ильин В.В. История философии: Учебник для вузов. — СПб.: Питер, 2003. — 732 с.

5. Кун Т. Структура научных революций. — Москва: Прогресс, 1977. — 303 с.
6. Рассел Б. Проблемы философии. //Пер. с англ. В.В. Целищева. — Новосибирск: Наука, 2001. — 111 с.
7. Терентьева Л.Н. К системно-параметрической экспликации теоретической нагруженности научного факта. //Тезисы областной конференции «Системный анализ научного знания». — Одесса. — Ноябрь. 1986. — С. 102—103.
8. Терентьева Л.Н. Системно-параметрический анализ структуры и развития научной теории. — Киев.: УМК ВО, 1991. — 52 с.
9. Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. — М.: Мысль, 1978. — 272 с.
10. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. // Переводы с англ. и нем. /Ред. и авт. вступ. ст. И.С. Нарский. — М.: Прогресс, 1986. — 542 с.
11. Философия науки. //Под ред. С.А. Лебедева, — М.: Академический прект; Трикта, 2004. — 736 с.
12. Философский словарь под ред. И.Т. Фролова. — 4-е издание. — М.: Политиздат, 1981. — 445 с.
13. Эйнштейн А. Собрание научных трудов в 4-х томах. — Москва: Наука, 1967. — 599 с.

СЕКЦИЯ 4.

ИСТОРИЯ

4.1. ИСТОРИЯ РОССИИ

НАДЗИРАТЬ И ВОСПИТЫВАТЬ: ОРГАНИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНО- ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ ТРАНСПОЛЯРНОЙ МАГИСТРАЛИ (1947—53 ГГ.)

Калинин Вячеслав Алексеевич

главный специалист «Газпромнефть Научно-Технический Центр»

г. Санкт-Петербург

E-mail: kalinin69@mail.ru

За последние годы в исследовательский процесс вовлечено большое количество документов из государственных, ведомственных архивов как в центре, так и в регионах.

В тоже время, несмотря на то, что исследовательский процесс идет достаточно интенсивно, остается еще не мало «белых пятен», а многие актуальные темы так и не удостоились должного внимания научного сообщества. Часть опубликованных работ отдает дань априорным идеологическим установкам и смысловым клише.

Одним из самых амбивалентных вопросов остается проблематика, связанная с функционированием советской исправительной системы. Одним из малоизученных вопросов остается и история строительства Трансполярной железной дороги Чум (г. Воркута) — Салехард — Игарка, и организации культурно-воспитательной работы (КВР) среди заключенных, принимавших участие в этом грандиозном проекте.

Вопрос организации в лагерях ОГПУ-НКВД-МВД СССР культурно-воспитательной работы до сих пор остается достаточно идеологизированной темой, в обсуждении которой часто используются эмоциональные оценки. В исследовательской литературе встречаются

и такие крайние позиции, как отрицание этого вида деятельности в лагерях ГУЛАГа. Так Э. Эппелбаум утверждает: «Подавляющее число мемуаристов либо не упоминают о КВЧ (*культурно-воспитательная часть* — прим. автора) вовсе, либо высмеивают её» [18, с. 236]. По мнению исследователя В. Мироновой культурно-воспитательная работа «во многом была фиктивной» [15]. Однако анализ практики деятельности КВЧ в лагерях ГУЛАГа свидетельствует, как минимум, о наличии такого направления деятельности, имевшего свою историю и реальные результаты.

Политика советского государства 30—40-х годов прошлого века, была ориентирована на жесткое подавление любых форм социального протеста. СНК и НКВД в эти годы приняли ряд государственных и ведомственных нормативных актов, регулирующих содержание заключенных. В этих документах нашли законодательное закрепление особая роль карательно-исправительных органов и ужесточение методов работы с заключенными.

Основным организующим началом в осуществлении КВР в лагерях ГУЛАГа было административное руководство подразделениями, отвечающими за её проведение, со стороны вышестоящих структур. В первую очередь администрирование осуществлялось культурно-воспитательным отделом ГУЛАГа (КВО ГУЛАГа), а так же КВО «главков» — в ситуации со строительством Трансполярной железной дороги — ГУЛЖДС (Главное управление лагерей железнодорожного строительства) [1, с. 10].

Администрирование строилось на использовании имеющейся системы нормативно-правовых актов общесоюзного и ведомственного уровня, которые определяли идеологию, цели и задачи, основные формы и методы культурно-воспитательной работы, условия её реализации среди контингента заключенных. Среди локальных актов можно назвать приказы руководства ГУЛАГа, КВО ГУЛАГа, КВО «главков», циркулярные письма, отчеты инспектирующих комиссий и т. д. [2, с. 1].

Учитывая огромное количество регулирующих документов, у руководства исправительно-трудовых лагерей, инспекторов КВЧ в лагерных пунктах, было не много возможностей для реализации каких-то собственных инициатив при осуществлении культурно-воспитательной работы. Однако, как свидетельствует практика деятельности КВО-КВЧ, варианты для выдвижения «инициатив» адаптированных к конкретной ситуации, все же имели место. Инициативы ориентировались как на собственные представления сотрудников КВЧ об эффективности культурно-воспитательной

работы, так, отчасти, и на пожелания заключенных. Для этого организовывалось что-то вроде системы обратной связи: «На 63 колонне в 5-м отделении Обского ИТЛ в Красном уголке заведен журнал, в котором з/к должны писать свои пожелания» [3, с. 20], сообщает в своем отчете за 1949 год по проверке деятельности СУЛЖДС в сфере КВР зам. начальника ГУЛЖДС подполковник Хомчик.

В «борьбе» между жестким характером нормативно-регулирующих предписаний, основанных на декларации норм и санкций за их нарушения, и инициативным характером реализации конкретных форм и методов культурно-воспитательной работы на местах, видится главное противоречие и историческая «ценность» содержания КВР. Выявление не шаблонных, творческих начинаний, наряду с пониманием сути и результатов культурно-воспитательной работы и состоит, пожалуй, одна из задач исследователя в изучении содержания КВР в лагерях ГУЛАГа.

Среди основных нормативно-правовых актов, определяющих цели и задачи КВР особое место занимает «Положение о культурно-воспитательной работе в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД», от 20 апреля 1940 года. «Положение...» объявляло приоритетами политотделов и КВО-КВЧ: а) перевоспитание заключенных, осужденных за бытовые и должностные преступления на основе высокопроизводительного общественно полезного труда б) содействие наиболее эффективному и рациональному использованию труда для выполнения и перевыполнения производственных планов [16, с. 148].

Послевоенное время привнесло в практику работы исправительных учреждений много новаций.

Инструкция 1947 года «О режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД СССР» главными задачами КВР объявляла: а) перевоспитание заключенных на основе высокопроизводительного общественно-полезного труда; б) проведение мероприятий способствующих улучшению бытовых условий содержания заключенных и всемерному укреплению трудовой дисциплины и установленного режима; в) содействие эффективной и рациональной организации труда заключенных на производстве; г) повышение общекультурного уровня заключенных и организация их досуга [11, с. 19].

Распоряжением Министра внутренних дел Союза ССР от 24 ноября 1949 года № 745 были утверждены «Временные указания о работе культурно-воспитательных отделов, отделений

и частей в ИТЛ, УИТЛ и К и ОИТК МВД-УМВД», основного организующим органом самодеятельности заключенных был объявлен культсовет, который возглавлял начальник или инспектор культурно-воспитательной части [13].

Наглядным примером организации КВР можно считать деятельность в 1947—53 гг. КВО/КВЧ Северного управления лагерей железнодорожного строительства (СУЛЖДС, «Севжелдорлага»), заключенные которого составляли подавляющую часть контингента строителей Трансполярной железной дороги. Учитывая ограниченность материально-технических ресурсов, проблему с кадрами, сотрудникам КВО/КВЧ СУЛЖДС удалось создать разнообразную по форме и насыщенную по содержанию систему культурно-воспитательной работы.

Основным показателем деятельности лагерных подразделений СУЛЖДС — Обского и Енисейского ИТЛ было выполнение плана строительства. Достигаться необходимый результат должен был в рамках производственно-массовой работы сотрудников КВЧ непосредственно в лагерных пунктах. Основными формами производственно-массовой работы считались развертывание трудового соревнования, обмен положительным опытом, развитие рационализаторской и изобретательской деятельности [4, с. 63].

Реальной же основой для создания стимула к выполнению производственных планов была система зачетов рабочих дней [5, с. 13].

Именно «зачетная» система стала главным механизмом для организации трудового соревнования и основным источником для реализации различных направлений производственно-массовой работы.

Проведение КВР тесно увязывалось с задачами укрепления режима содержания заключенных. «Для обеспечения режима заключенных КВО-КВЧ использует все виды и формы культурно-воспитательной работы, индивидуальные и групповые беседы, стенную печать и наглядную агитацию» [6, с. 98].

Идеологическое содержание культурно-воспитательной работы на Трансполярной магистрали, не выходило за рамки, жестко очерченные инструкциями и циркулярами МВД, однако, конкретные формы и направления деятельности, во многом зависели от воли лагерного руководства, вкусов начальников политотделов и КВО ИТЛ.

Усилия работников КВО/КВЧ «Севжелдорлага», были направлены на создание определенной морально-психологической атмосферы, закрепления в сознании заключенных-строителей Трансполярной железной дороги представлений о значении

магистрала для развития страны, о взаимосвязи эффективности и качества труда с личностными перспективами осужденных. Как вспоминает бывший заключенный Обского ИТЛ Иван Марманов «Пропагандисты называли дорогу «Чум-Салехард-Игарка» Сталинской, чтобы каждый самый малообразованный карманник представлял важность этой стройки. Весомость обещаний подтверждалась ГУЛАГовской прессой. Газеты регулярно оповещали об итогах строительства. Буквально до одного метра указывали о прокладке пути, о строительстве мостов, станций депо. И тут же назывались отличившиеся колонны и бригады, назывались победители соревнований, оговаривалось количество заключенных, вышедших на свободу по зачетам рабочих дней. Именно эта пропаганда, рождающая веру в лучшее, сыграла ту роль, что резко снизилось число побегов, лагерных убийств и самоубийств» [14, с. 12].

Говоря об отношении основной массы заключенных к труду, бывший з/к на Строительстве № 501 И.Д.Марманов свидетельствует: «Заключенные работали с энтузиазмом, работали за свободу. Обычных заключенных на работе брал азарт, потому что нам сказали: «Там, на Игарке все пойдёте домой». Перевыполнение плана поощрялось. Например, бригаду, выполнившую за смену две нормы, у входа в зону встречал небольшой самодеятельный духовой оркестр, и не производился индивидуальный шмон на вахте» [14, с. 86].

Своеобразным феноменом стройки стал театр СУЛЖДС. Вдохновителем и создателем театра Трансполярной дороги был легендарный «дядя Вася» — Герой Социалистического Труда, полковник МВД, начальник Северного управления лагерей железнодорожного строительства Василий Барабанов. Созданный в 1947 году, театр СУЛЖДС в 1949—50 годах стал самым ярким культурным феноменом Коми АССР и Ямало-Ненецкого национального округа. В афишах учреждение скромно именовалось «Театром управления Строительства 501».

На сцене заполярного театра шли оперетты — сцены из «Лебединого озера», «Русалки». «В театре, бывало, давали по два спектакля в день: утром и вечером. Это требовало усиленных репетиций. Раньше других слабели артисты балета — сперва танцовщики-мужчины, потом и балерины. Заболевших ставили на УДП (усиленное дополнительное питание, в переводе на реалистический язык — «умрешь днем позже»), но это было столь слабым подспорьем, что театр и зрители несли потерю за потерей» [17, с. 8].

Несмотря на большую популярность театра не только среди заключенных, но и вольнонаемных, весной 1950 года театр закрыли,

а актеров разбросали по разным лагерным отделениям стройки. На строительство другой стройки коммунизма убыл В. Барабанов, а новое руководство не усмотрело в творчестве актеров и музыкантов острой необходимости для проекта.

Практика осуществления культурно-воспитательной работы в СУЛЖДС свидетельствует, эволюция что форм и методов культурно-воспитательной работы в общей хронике ГУЛАГа были долгим и противоречивым процессом. От спонтанной реакции руководства лагерей на ситуацию, связанную с массовым наплывом заключенных, которых предписывалось не только принуждать к труду, но еще и воспитывать, профессиональная деятельность работников КВО/КВЧ эволюционировала в своем развитии до уровня организационной системы. В итоге на закате ГУЛАГа сложилась сложная система норм и традиций, регулирующих цели, задачи, формы осуществления этой деятельности, основанная на нормативно-правовых предписаниях, изучении реальной практики работы КВО-КВЧ в лагерях и распространении «передового» опыта.

Весь комплекс форм и методов культурно-воспитательной работы был направлен в первую очередь на выполнение производственных заданий. Лагерное начальство в осуществлении КВР делало акцент на поддержании режима заключения. Несмотря на лимитирование культурных благ, перед КВО-КВЧ со всей бюрократической серьезностью ставились задачи по воспитанию осужденных в соответствии с требованиями той эпохи. Основной воспитательной мерой служил принудительный труд, который различными способами стимулировался, но обеспечивался главным образом административными методами и степенью лагерного режима.

Система отчетности КВО-КВЧ была построена таким образом, что отвечать за свою работу необходимо было в комплексе — статистика должна была демонстрировать, как результаты трудового соревнования, так и количество поставленных спектаклей и проведенных литературных конференций [7, с. 9].

Инспектора КВО/КВЧ, насколько у них получалось, занимались воспитанием, культурной работой в массах заключенных, сочетая этот процесс с надзором за установленным режимом их содержания, и за умонастроениями в среде как «политических», так и уголовных элементов. Вопрос о том, чем в действительности оказалось такое направление в многогранной деятельности ГУЛАГа как «культурно-воспитательная работа среди заключенных», в первую очередь выкристаллизовывается в отношении самих осужденных к КВР.

В официальных отчетах должностных лиц все выглядело гладко. Так, например, после публикации постановления Совета Министров СССР о выпуске госзайма 1952 года в лагерях СУЛЖДС были проведены акции по поддержке нового начинания: «Во всех лагерных пунктах прошли митинги заключенных, на которых заключенные единодушно поддержали постановление Советского правительства. Заключенный Демидов С.А. (л/п № 7) на митинге заявил: «В то время, когда империалисты Америки и Англии ведут бешенную подготовку к войне против Советского Союза, сбрасывают зараженных бактериями чумы, холеры насекомых на территории Кореи и Северо-Восточного Китая, — наше правительство привлекает все средства на дальнейшее улучшение благосостояния советских людей, для быстрейшего завершения строек коммунизма. Я с радостью приобретаю 500 рублевую облигацию нового Госзайма и обязуюсь еще лучше работать на благо Родины и тем самым искуплю свою вину перед государством» [8, с. 19].

Трудно поверить в то, что заключенные с энтузиазмом расставались со своими «кровными», но еще меньше доверия вызывает утверждение инспектора КВЧ в отчете, что приобретение облигаций — результат агитационно-массовой работы в среде контингента [9, с. 19].

В действительности, отношение заключенных к пропагандистско-воспитательной обработке, которой они подвергались, было совершенно иное. Нелицеприятные оценки культурно-воспитательной работы в воспоминаниях заключенных встречаются повсеместно: «Деятельность лагерной КВЧ была реликтом предписаний, изданных в Москве в те времена, когда лагерь действительно рассматривались как полувоспитательные учреждения. Что-то гоголевское было в этой слепой верности чиновничьему вымыслу вопреки практике жизни — что-то от воспитания «мертвых душ»» [10, с. 167].

Однако самая точная характеристика результатов деятельности КВО-КВЧ звучит в признании вольнонаемной М.М. Соловьевой, которая была культурорганизатором в женском лесоповальном лагпункте Обского ИТЛ. В интервью она отмечала, что ей приходилось заниматься организацией концертов и чтением лекций, однако основной её функцией была доставка почты. «Именно почта, приходившая два-три раза в месяц, интересовала заключенных больше всего» [12, с. 140].

Равнодушие и отстраненность, отчуждение и глухой, молчаливый протест, как правило, были спонтанной и подлинной реакцией заключенных на мероприятия в рамках культурно-воспитательной

работы, исключая разве что вещи развлекательного плана, в первую очередь — показ фильмов и спектакли лагерного театра.

Практика работы КВО-КВЧ в лагерях ГУЛАГа воспринималась контингентом заключенных, как навязываемый сверху вариант официальной пропаганды в условиях неволи, дополнительной нагрузки ко всем «прелестям» жизни за колючей проволокой. Интенсивность и разнообразие форм и методов культурно-воспитательной работы крайне незначительно влияли на общий фон лагерной жизни и судьбу подавляющего числа заключенных.

Список литературы:

1. ГАРФ, Ф.9407, Оп.1. Д. 1356. Л. 10.
2. ГА РФ Ф.9407, Оп.,1 Д. 1356, Л. 1.
3. ГА РФ, Ф.9407, Оп.1. Д. 1324. Л. 20.
4. ГА РФ, Ф.9407, Оп.1. Д. 571. Л. 63.
5. ГАРФ, Ф.9407, Оп.1. Д. 1356. Л. 13.
6. ГАРФ Ф. 9408, Оп.2, Д. 1324 Л. 98.
7. ГАРФ Ф. 9408, Оп.2, Д. 1324 Л. 98.
8. ГА РФ 9414 Оп.1. д. 571. Л. 19.
9. ГА РФ 9414 Оп.1. д. 571. Л. 19.
10. Герлинг-Грудзинский Г. Иной мир. Лондон. 1989. С. 167.
11. Главное управление лагерей. 1918—1960 / Сост. А.И. Кокурин., Н.В. Петров. М. 2002 г.
12. Гриценко В. Калинин В. История «Мертвой дороги». Екатеринбург 2010.
13. Крашенинникова Я.В. Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России, М.: «Вердикт 1М», 1999.
14. Марманов И. Страна деревянного солнца. Тюмень 2008 г.
15. Миронова В.Г. Культурно-воспитательная работа в лагерях ГУЛАГа НКВД-МВД СССР в 1930—1950 годы. Дис. канд. ист. наук. — Иркутск, 2004.
16. Цит. по Кутепов С.В. Правовые основы деятельности исправительно-трудовых колоний в период 40—50-х годов М. 1999. С. 148.
17. Штильмарк Р. Крепостной театр. Игарка. 2001 г.
18. Эппелбаум Э. Паутина большого террора С. 236.

ВНЕШНИЙ ОБЛИК ТАТАР КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ XIX — НАЧАЛА XX ВВ. В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИЗДАНИЯХ

Мифтахов Руслан Габидович

*канд. ист. наук,
ст. преподаватель НФ ФГБОУ ВПО «Поволжская ГАФКСиТ»,
г. Набережные Челны
E-mail: zelsneg@mail.ru*

В последнее время такой сфере знаний как этнопсихология уделяется огромное внимание. Через нее ученые пытаются объяснить многие события происходящие в мире. Важное место в этнопсихологическом пространстве занимает понятие «образ», которое включает в себя как объективные, так и субъективные основы. Субъективность проявляется в том, что образ народа является феноменом идеальным и формируется в сознании. Объективность определяется тем, что для любого народа на определенном временном отрезке характерен определенный объективный набор качеств, который формируется как сами народом, так и представителями соседствующих народов. В данной статье затрагивается один из аспектов формирования образа татарского народа на страницах русскоязычных изданиях, а именно внешний облик татар Казанской губернии XIX — начала XX вв.

Проживание в аграрной стране, где общение ограничивалось бытовыми связями, запрет мусульманам вступать в брачные связи с язычниками и «обязательность крещения детей», родившихся в браке с представителями христианской религии, сдерживали межэтнические браки между мусульманами и христианами, в связи, с чем этническое смешивание было незначительным. В связи с этим, при оценке облика татар современники, безусловно, выступали как представители русского народа и особенности облика татар выделяли на основании сравнения с внешними чертами народов региона.

Авторы выделяли следующие черты лица и конституции:

- татары должны быть признаны самыми красивыми из всех коренных народов региона [8, с. 63; 10, с. 17; 4, с. 214];
- татары большею частью сложены хорошо [10, с. 16—17; 12, с. 32; 9, с. 18; 13, с. 12];
- они имеют следующие характерные черты:
 1. продолговатое лицо [10, с. 16—17; 12, с. 32; 4, с. 214; 7, с. 21];

2. глаза большие серые или черные с правильным разрезом, пронзительный взор [12, с. 32; 10, с. 17];
3. нос пропорциональный, остроконечный, прямой [10, с. 16—17; 4, с. 214; 7, с. 21];
4. скулы не выделяются так резко, как у монгольских племен [10, с. 16—17; 12, с. 32; 7, с. 22; 4, с. 214];
5. губы толстые, а верхняя довольно длинная [10, с. 17; 12, с. 32];
6. борода редкая и клинообразная, черная, искусно подстриженная и около губ подбритая [10, с. 17; 12, с. 32; 7, с. 22; 4, с. 214];
7. череп продолговатый, голова бритая [12, с. 32];
8. уши длинные и «отстающие от головы», шея очень толстая [12, с. 32; 7, с. 22];
9. высокорослые, стан необыкновенно прям, плечи широкие, грудь высокая [10, с. 16—17; 12, с. 32; 2, с. 25; 7, с. 22; 4, с. 214].

Следовательно, можно отметить, что внешний облик татар привлекал внимание современников в 1884 г. С. Монастырский констатировал, что излишне «подробно описывать наружность татар, эта тема, довольно избитая, уже достаточно исчерпана в руководствах и учебных книгах» [6, с. 174]. Однако только в 1899 г. А.А. Сухарев в своей докторской диссертации «Казанские татары (уезд Казанский). Опыт этнографического и медико-антропологического исследования» специально изучил как профессиональный антрополог внешний облик татар. Необходимо отметить, что предшествующие авторы в своих работах создавали лишь обобщенный портрет среднестатистического татарина. Проанализировав имеющуюся литературу А.А. Сухарев пришел к выводу, что татары с антропологической стороны исследованы «весьма скудно», что предполагает необходимость отдельного специального исследования, которое он и провел. Исследователь осуществил антропологические измерения среди татар Казанского уезда Казанской губернии. В таблице 1 приведены лишь основные данные из его исследования [11, с. 169—178].

Таблица 1.

**Описание А.А. Сухаревым женского
и мужского облика татар в сравнении**

Мужчины	Женщины
Череп широкоовальный и шарообразный	Череп широкоовальный
Волосы 60 % черные, густые, не жесткие	54 % черные
Борода широкая, не длинная с жидкими и волнистыми волосами	-
Глаза довольно открытые, миндалевидной формы. Цвет глаз карий. Размеры глазной щели менее чем у великорусов и более черемисской	То же самое
Скуловые кости выдающиеся	То же самое
Губы средней толщины, крепкие и слегка опускающиеся наружными краями	То же самое
Уши отстающие	То же самое
Лицо удлинненно овальной формы	То же самое
Шея толщины средней, длины тоже, кадык выдается	Тонкая, средней длины, кадык выдается менее чем у мужчин
Рост средний (163,8 см)	Рост ниже среднего (152,2 см)
Нос прямой, не толстый	То же самое

Довольно скудными представляются описания современниками облика татарской женщины, что, прежде всего, объясняется замкнутым образом жизни татарок. В связи с этим описания их внешности встречаются редко, и только у тех современников, которые могли свободно посещать дома татар, или у тех, кто заимствовал эти описания из других работ. В этом плане оригинальным является наблюдение К. Фукса: он наделяет описываемых женщин приятной внешностью. Он сетует на то, что они делают все, чтобы «скрыть» свою природную красоту от окружающих (таблица 2).

**Внешний облик татарской женщины в описаниях
авторов XIX — начала XX вв.**

1844 г. К. Фукс	1856 г. В.А. Сбоев	1861 г. М. Лаптев
<p>Ⓚ Я не видал между татарками очень красивых.</p> <p>Ⓛ Их держат взаперти; следственно я должен говорить только о тех, коих поместил я в третье отделение татарских женщин, т.е. о женах и дочерях мелких мещан.</p> <p>Они среднего роста; довольно толсты; держат себя,</p> <p>Ⓜ как их мужчины, очень прямо, но ходят плохо: к этому много содействует их мешковатая одежда и препятствует им иметь приятную для взора наружность.</p> <p>Ⓝ Они рано стареют... Причина тому, что рано выходят замуж и портят белилами и румянами свое лицо...</p> <p>Ⓞ Вообще у них скулы выдаются более, нежели у мужчин, и от того лицо делается шире, так что мужчины их всегда покажутся красивее женщин»</p> <p>Ⓟ Тело татарок, коих мне случилось видеть, довольно желтовато, а кожа походит несколько на пергамент и часто покрывается чешуйками и мелкой сыпью, от лежания на теплых пуховых перинах и от тяжелой и очень теплой одежды [12, с. 33].</p>	<p>Ⓛ они неповоротливы от недостатка движения и сидячей жизни. Посудите сами: русские крестьянки как бы богаты они не были, разделяют все труды муже своих: пашут, жнут вместе с ними, косят сено, убирают его, молотят хлеб, возят дрова и проч. Между тем и беднейшие из татарок слегка участвуют только в жнитве хлеба и гребли сена, а за тем занятия их ограничиваются только мелочным хозяйством и пряжею, да тканием пряжи. Богатые же татарки как барыни (стр. 17) ставят себя выше всех этих работ и с наслаждением предаются кейфу, совершенному бездействию, расслабляющему силы душевные и телесные. Здесь уже не может быть и речи о телесной ловкости и развязанности.</p> <p>Ⓚ Я не согласен и с тем, будто</p>	<p>Ⓚ татарки от природы не дурны</p> <p>Ⓛ но одежда и недеятельная жизнь, особенно богатых, делают, их очень неловкими и неразвязными. Даже бедные татарки из полевых работ участвую только в жнетве хлеба и сгребании сен, между тем как чувашка, постоянно, а русская женщина весьма часто пашут и боронят. Занятия татарок большей частью ограничиваются мелочным хозяйством, прядением, тканием, есть впрочем, из них золотошвейки, они делают недурные тюбетейки или ермолки и ичегги, богатые же татарки живут совершенно по восточному, исключительно для лени.</p>

		<p>татарки от природы некрасивы, калмыковаты.</p> <p>❶ Но, по мнению моему видимая причина некрасивости татарок заключается в том, что они густо намазывают лица свои белилами и румянами, сурьмят брови ресницы, что глаза их и без того черные и блестящие, были до статуино безобразности яркими. Прибавить к этому выкрашенные чернильно-ореховым настоем зубы, растрескавшиеся от притираний губы, размалеванные посредством отвара из череды и квасцов ногти – и вы получите тип татарской женщины, которая таким образом представляется лишенною первоначальной и естественной красоты [10, с. 20].</p>	<p>❶ Чем богаче и именитее татарин, тем более скрывает он жен своих. Жизнь богатой татарки может служить доказательством, что скука и бездеятельность заставляют толстеть и жиреть. Рукоделием никаким она не занимается, разве только в старости иногда кое-что делает в хозяйств, молодые же исключительно заняты своим желудком и нарядами.</p> <p>❷ татарку портит косметика [4, с. 215].</p>
1870 г.	1884 г.	1904 г.	1910 г.
А.Ф. Ригтих	С. Монастырский	Д. Зеленин	П. Знаменский
<p>❶ татарки имею значительно выдающиеся скулы и узкий разрез глаз. ❷ Другая отличительная их черта, это переливающаяся с боку на бок походка, по которой тотчас возможно признать татарку, без предварительного разузнавания её народности.</p>	<p>❶ Наружность татарок много портится от толстого слоя белил и румян на щеках, от сурьмы на бровях и ресницах, и от окрашивания зубов и ногтей чернильно-ореховым настоем.</p>	<p>Узкий разрез глаз и ❷ переваливающаяся с боку на бок походка. Казанские татарки вообще красивы [2, с. 25].</p>	<p>❶ Осужденные на затворническую жизнь, татарка неподвижна, недеятельна и ленива.</p> <p>❷ Живя бездельной, паразитной жизнью, татарка, особенно в богатом доме,</p>

<p>⊕ К 35 годам, татарки от употребления косметических средств и от бездеятельной жизни сильно стареют, представляя этим совершенную противоположность с другими народностями [7, с. 22].</p>	<p>Чем моложе и богаче татарка, тем тщательнее она красится и белился [6, с. 25].</p>		<p>исключительно занята сном, желудком и нарядами, любит ходить в гости, в бани, на общественные праздники и гулянья [3, с. 12—13].</p>
---	---	--	---

Необходимо отметить, что в таблице 2 приведены высказывания, которые сделаны преимущественно по отношению к состоятельным татарским женщинам. Как видно, современники указывают на «восточную» лень, присущую не только богатым, но и женщинам среднего достатка (табл. 2, ①). Их жизнь, по мнению М. Лаптева, может служить хорошим доказательством того, «что скука и бездеятельность заставляют толстеть и жиреть. Рукоделием никаким она не занимается, разве только в старости иногда кое-что делает в хозяйстве, молодые же исключительно заняты своим желудком и нарядами».

Относительно красоты татарок мнения разнятся: для одних они от природы некрасивы (табл. 2, ①), для других — наоборот (табл. 2, ②). Первые в поиске доказательства природной «некрасивости» выделяют физические черты (например, более выдающиеся, чем у мужчин, скулы — табл. 2, ③). Вторые отмечают некоторые обычаи, которые портят природную красоту татарок, в частности на обычай сильно краситься, что приводит к быстрому старению (табл. 2, ④). В то же время мешковатая, очень теплая одежда и бездеятельная жизнь, лежание целыми днями в постели, как считали современники, обуславливали желтизну кожи женщин (табл. 2, ⑤).

Одним из отличительных признаков татарской женщины почти все авторы называют переваливающую походку, которой способствуют их полнота и обычай надевать на себя много одежды (табл. 2, ⑥).

Однако, как указывалось выше, эти описания в основном относились к состоятельным татаркам. Девушки из менее обеспеченных крестьянских семей пользовались большей свободой, проводили время подобно русским поселанкам, выполняли все домашние работы. Они ходили без покрывала, белили лицо и намазывали его красками только в праздничные дни и по пятницам. «И от того-то, — считал К. Фукс, — деревенские татарки красивее городских» [12, с. 49]. Данные наблюдения подтверждали и другие авторы XIX в. [4, с. 215; 10, с. 17—18; 7, с. 22; 6, с. 176; 2, с. 25; 3, с. 12—13].

Описание внешности татар пожилого возраста также присутствуют у современников. В частности, К. Фукс писал: «...я часто любовался, глядя на прекрасные значащие лица их стариков, и, по моему мнению, древние итальянские знаменитые живописцы могли бы с них взять лучшие образцы для представления исторических предметов из ветхого и нового завета» [12, с. 33].

Таким образом, авторы, описывая лишь внешний облик татар, уже включались в сложный процесс формирования образа всего народа, присваивая ему отдельные национальные черты. Рассматривая те или иные качества внешнего облика татарина, авторы, как представители своей эпохи, накладывали на отдельные черты внешнего облика татар сложившиеся в русском обществе гетеростереотипы. Например, известный революционер-демократ А. Герцен, впервые посетив Казань (1835 г.), отметил: «...множество татар с продажными ичигами и тубетейками, с халатами, в халатах, с приплюснутым носом, узенькими глазами и хитрым выражением лица» [1, с. 32—33]. Миссионер Е. Малов в своей оценке облика мишар и казанских татар акцентировал внимание на религиозном аспекте, в данном случае надменному татаро-мухаммеданскому типу лица он противопоставлял облик мишар, который у него ассоциировался с «более добродушным типом русского человека, чем типом надменного татаро-мухаммеданского лица» [5, с. 3].

Список литературы:

1. Герцен А. Письма в будущее / А. Герцен. — М.: Сов. Россия, 1982. — 479 с.
2. Зеленин Д. Кама и Вятка: путеводитель и этнографическое описание прикамского края / Д. Зеленин-Юрьев: Тип. Бергмана, 1904. — 184 с.
3. Знаменский П. Казанские татары / П. Знаменский. — Казань: Тип.-лит. Имп. ун-та, 1910. — 67 с.
4. Лаптев М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба: Казанская губерния / М. Лаптев. — СПб., 1861. — 615 с.
5. Малов Е.А. Сведения о мишарях. Этнографический очерк / Е.А. Малов. — Казань: Тип. Имп. ун-та, 1885. — 79 с.
6. Монастырский С. Иллюстрированный спутник по Волге: историко-статистический очерк и справочный указатель: в 3 ч. / С. Монастырский. — Казань: Типо-лит. Ключникова, 1884. — 500 с.
7. Риттих А.Ф. Материалы для этнографии России: Казанская губерния / А.Ф. Риттих. — Казань, 1870. — Ч. 2. — 224 с.

8. Риттих А.Ф. Племенной состав контингентов русской армии и мужское население Европейской России / А.Ф. Риттих. — СПб.: А.А. Ильин, 1875. — 364 с.
9. Рыбушкин М. Краткая история города Казани / М. Рыбушкин. — Казань: Тип. Л. Шевиц, 1849. — 164 с.
10. Сбоев В.А. О быте крестьян в Казанской губернии / В.А. Сбоев. — Казань, 1856. — 36 с.
11. Сухарев А.А. Казанские татары: опыт этнографического и медико-антропологического исследования / А.А. Сухарев. — СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1904. — 195 с.
12. Фукс К. Казанские татары в этнографическом и статистическом отношениях (репринтное воспроизведение) / К. Фукс. — Казань: Фонд ГЯК, 1991. — 210 с.
13. Эрдман И. Татары: пер. с нем. М. Буевой / И. Эрдман // Актуальное национально-культурное обозрение. — 2000. — № 1. — С. 12—20.

4.2. ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

КОЛОНИИ ГАЯ ГРАКХА И VETERES POSSESSORES: НОВЫЕ АРГУМЕНТЫ И ПОПЫТКА РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Тельминов Вячеслав Григорьевич

младший научный сотрудник ЛГИ НИЧ НГУ, аспирант НГУ

г. Новосибирск

E-mail: telminov_88@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (мероприятие 1.3.2, соглашение 14.132.21.1021).

По замыслу Гая Гракха (123—121 гг. до н. э.) должен был быть основан целый ряд новых колоний для малообеспеченных римских и латинских граждан, а также италиков. Землями для выведения колоний служили конфискуемые участки общественного поля (*ager publicus*), незаконно занимаемые богатыми землевладельцами (*veteres possessores* — *CIL I*, № 200). Эти «законы о выведении колоний» [1, с. 10] и стали важнейшей составляющей комплекса аграрного законодательства знаменитого римского реформатора.

Процедура исполнения закона выглядела следующим образом: сначала земельная комиссия на основании судебного закона Гая Гракха (повторяющего аналогичный закон Тиберия Гракха), а также в соответствии с принципами аграрного законодательства, заложенных еще законом 133 г., начинала мобилизовывать земли под новые колонии. Задача по поселению колонистов на таких плодородных и издавна освоенных землях, как Кампания или Этрурия, влекла за собой необходимость широкомасштабной конфискации земель. Именно этим была обусловлена политика Гая, продолжавшего конфискации своего старшего брата и подтвердившего его земельный максимум (свыше него любые владения на общественном поле признавались незаконными).

Немаловажным представляется вопрос о том, какого рода земли это были, кому они принадлежали, а также какие типы хозяйства были на них распространены. Аграрное законодательство Гая Гракха

следует изучать комплексно, в связи с состоянием, родом занятий и обликом той части римского земледельческого класса, которая в силу обширности своих владений (незаконно полученных и незаконно удерживаемых) была подвергнута конфискациям со стороны комиссии Гая Гракха. Здесь следует сделать важную оговорку про употребленный нами термин «земледельческий класс»: так как в нашем случае он указывает на принципиальную невозможность в большинстве случаев разделить интересы богатых собственников, владельцев общественных земель и бедных и неимущих крестьян, арендующих участки на тех полях, он не должен быть истолкован в марксистском ключе. В данном случае мы предпочитаем придерживаться концепции ойкосного хозяйства.

Без понимания специфики тех земель, на которых развернулась реформа, не может прийти достаточное понимание того, какие изменения она внесла и как они могли восприниматься местным населением. Кроме того, поземельные отношения во все времена отличаются известной устойчивостью, а, значит, какие сильные изменения ни были произведены, все же наблюдалась преемственность между догракханским и гракханским положением на общественном поле. Обратимся к вопросу о факторах, повлиявших на действия комиссии в ходе начального этапа реализации аграрного законодательства о колониях, т. е. конфискации земель.

Римские юристы и агрименсоры использовали следующую юридико-землемерную систему классификации всех земель в их отношении к государству и «кадастру» [8, с. 284].

В соответствии с ней все земли делились на: 1) размеченные и поделенные (*ager divisus et assignatus*); 2) просто размеченные, но не поделенные: *ager per extremitatem mensura comprehensus*; 3) ни то и ни другое (*ager arcifinius*).

Главное юридическое отличие первых двух типов земель от третьего заключалось в следующем. Карты и описания агрименсоров, составляемые в ходе межевания (*forma*), признавались римским государством и давали право владеть землей тем, на кого составлялись документы. Права владельцев участков на неразмежеванной земле подтверждались лишь местными договорами общин, или же вообще ничем не подтверждались. В качестве документа, удостоверяющего право собственности, они не годились [5, с. 138]. Вероятно, частично эта ситуация касалась богатых италиков, чьи земли конфисковывали Гракхи. В результате отпадения в ходе 2-ой Пунической войны ряда италийских общин и римских муниципиев от Рима располагающаяся на их территории земля поссессоров могла быть

переведена в категорию *arcifinius*. Примером может служить *ager Tarentinus*. Это поле было экспроприровано Римом в 209 г. Но ее продолжали возделывать прежние владельцы, наряду с проникающими сюда римскими капиталистами. В 123—122 г. на этой земле свою колонию основал колонию Гай Гракх (Нептуния).

Свидетельством в пользу того, что колонии Гая Гракха располагались на территориях, которые в глазах римской *civitas* ранее утратили свои права, служит способ межевания, примененный при выведении колонии Суэсса Аурунка. Дело в том, что ко времени Гракхов сложилось две основные системы межевания: центуриация и стригация-скамнация. Рудорфф утверждает, что они соотносятся как основание колонии (гражданского сообщества, *persona coloniae* [5, с. 54]) (*condito*) и уничтожение, разделение одного (*intercisio*). Квадратная форма центурий символизирует гражданское единство (*civitas integra*), тогда как прямоугольная скамнация — ее разделение (*civitas aratrum passa*) [8, с. 296—297]. Именно такой способ применялся при *arva publica* в завоеванных провинциях: землю делили на длинные узкие полосы (*per strigas et scamnas, per proximos possessionum rigores*) [8, с. 297], а не на равносторонние четырехугольники. Ведь эти земли составляли т.н. *civitates stipendiariae*, подчиненные и бесправные общины, в отличие от *civitates foederatae, liberae, immunes*. Стриги и скамны в том числе и в способе построения войск (в каре, когда войска поделены на «полосы») применялись всегда только по отношению к италикам, а также при межевании земель покоренных италийских общин [8, с. 298]. Именно так говорится в *liber regionum* про взятие кампанских крепостей: «*terebentum, oppidum. ager eius in praecisurae et strigae est adsignatus post tertiam obsidionem*» [5, с. 238]. Когда уничтожается город или колония, эта территория распахивается на стриги и скамны (*contrarium ius*, ритуал отмены, анти-основание, зеркально повторяющее ритуал основания) [8, с. 96]. Стриги и есть такие борозды. Скамны — полосы между каждыми двумя бороздами. Такой способ межевания описывается термином *ager strigatus*. Полосы называются *lacinae, praecisurae* (отрезки), а пересекающие линии: *intercisivi* (режущие). Именно так характеризуется колония Гая Гракха, Суэсса Аурунка: «*ager eius pro parte limitibus intercisivis et in lacineis est adsignatus*» [5, с. 237]. Такая ситуация была свойственна и многим другим гракханским колониям [10, с. 553].

Итак, мы находим дополнительные подтверждения гипотезы Тойнби о том, что гракханские конфискации затрагивали в первую очередь неполноправное италийское население, чьи земли после

отпадения от Рима в ходе 2-ой Пунической войны фактически перестали им принадлежать [10, с. 547—549].

Но даже те земли, что не были объявлены *arcifinius*, все равно могли быть по закону изъяты у их владельцев. Виндикация по делам *de locis publicis* могла быть предъявлена вопреки праву *usucapio* [3; 9].

Какого рода земли это были и для чего были пригодны — скотоводства или хлебопашества?

В первую очередь конфискации гракханской комиссии коснулись, конечно, богатых италиков [2]. Выяснить, что из себя представляли их поля, ставшие затем основой для формирования наделной земли гракханских колонистов, можно либо путем анализа сведений источников о роде занятий «старых владельцев» (*veteres possessores*), сидящих на ней, либо прямо обратившись к традиции об «общественном поле».

«Старые владельцы», упоминающиеся в законе Тория — это богатые италики, у которых в ходе реформ Гракхов изымались земельные излишки. По свидетельству Аппиана и Плутарха, политика обоих Гракхов была направлена в том числе на удовлетворение интересов неимущих слоев городского и сельского плебса. Ее реализация сопровождалась риторикой неприятия незаконно нажитого богатства в любом виде. Это хорошо видно из речи Тиберия, переданной Плутархом: «προγονικὸν τῶν τοσοῦτων Ῥωμαίων, ἀλλ' ὑπὲρ ἀλλοτρίας τρυφῆς καὶ πλοῦτου πολεμοῦσι καὶ ἀποθνήσκουσι, κύριοι τῆς οἰκουμένης εἶναι λεγόμενοι, μίαν δὲ βῶλον ἰδίαν οὐκ ἔχοντες» [7]. Ясно, что земельная комиссия Гая Гракха в полном согласии с политической линией реформатора конфисковывала владения именно богачей. К такому выводу нас подводит и анализ терминологии закона Тория. Акт оставления за «старыми владельцами» земель, не превышающих максимум и поэтому «возвращаемых» им, назван оборотом: «*veteri possessori prove veteri possessionem reddere*» (*Lex agr.*, 16, 17, 18, 23, 24). В трактатах агрименсоров под термином *redditum pro suo* понимается земля, которая в виде одного компактного участка передается тому или иному магнату взамен многочисленных владений, расположенных в различных местах [8, с. 390]. Именно в такой форме, как установил Линтотт, предпочитали владеть землей богатые собственники в Древнем Риме [6, с. 56]. Гораздо выгоднее было иметь много средних имений катоновского типа в разных местах с возможностью гибко приспосабливаться к местному рынку, доходно вести хозяйство и не сталкиваться с дефицитом сезонной рабочей силы, чем одну грандиозную латифундию. Такой же подход, надо полагать, был

характерен и для посессоров общественной земли которым Гай Гракх «возвращал» компактные участки в других местах общественного поля ([*Ager publicus populi Romanei quei in Italia P. Mucio L. Calpurnio cos. fuit, quod eius agri III vir a. d. a. veteri possessori prove veltere possessionem dedit adsignavit reddidit quodque eius agri III[vir a. d. a. in urbe oppido vico dedit adsignavit reddidit]*) (*Lex agr.*, 16—17). «Вряд ли комиссия покушалась на коллективные держания италийских общин на общественном поле, индивидуальные посессоры были в этом отношении более легкой добычей» [10, с. 552].

Впрочем, не следует забывать о том, что высокая степень распространения латифундиального хозяйства в Италии II века уже ставилась под сомнение авторитетными специалистами [4, с. 339—347]. Население Кампании, например, Цицерон характеризовал как «*plebs optima et modestissima*» [4, с. 341]. Э. Линтотт обобщил некоторые сведения о раскопках многочисленных мелких хозяйств в Восточном Самнии, Козанском поле, Кампании и Южной Этрурии (кстати, именно там в том числе разворачивалась деятельность аграрной комиссии Гая Гракха) [6, с. 57].

В качестве главного вида сельскохозяйственных занятий на общественных землях (*ager publicus*) источники недвусмысленно называют скотоводство. В частности, об этом свидетельствуют комедии Плавта. В них часто встречаются виллы со скотоводческим уклоном: породистые овцы выращиваются в поместье Страбака, персонажа «Грубияна»; подружку он одаривает овцами и шерстью; продажа ослов Деменета движет интригу комедии «Ослы», его дворецкий Саврея взыскивает деньги за аренду гужевого скота. Общественное поле Лангенсов (*CIL V, 2, 7749, 5*) было пригодно в первую очередь для скотоводства и в меньшей степени для остальных видов обработки.

В то же время, хотя и в меньшем масштабе, на общественном поле занимались хлебопашеством и виноградарством, что следует из сообщения Аппиана о том, какие натуральные платежи сдавали в казну посессоры участков на общественном поле. Мелкие арендаторы наряду с хлебом для собственного потребления использовали также оливки и виноград [4, с. 341]. Посессор платил в казну десятую часть урожая зерновых и пятую — винограда и фруктов.

Кратко перечислим основные выводы. Для колоний Гая Гракха конфисковывались незаконно занятые участки общественного поля (*ager publicus*), располагавшиеся на неправомерных территориях (*ager arcifinius*). Их владельцами были богатые магнаты — римляне

и италики. Основным видом хозяйствования на этих участках было скотоводство.

Список литературы:

1. Мьякин Т.Г. Гракхи и народ. Статья вторая // Вестник НГУ. Серия: история, филология. Т. 9. Вып. 1: История. Новосибирск, 2009. С. 10—18.
2. App. BC I, 18.
3. Dig. de usurp. 41. 3. 9.
4. Frederiksen M. The contribution of Archeology to the Agrarian problem in the Gracchan period // Dialoghi do archeologia. Rivista quadrimestrale da R.B. Bandinelli. Anno iv-v Milano, 1971. № 2—3. — P. 330—357.
5. Gromatici Veteres (La), I. Berlin, 1848.
6. Lintott A. Political History 146-95 B.C. Ch. v. Gaius Gracchus // САН. Vol. IX. Cambridge, 2001. — P. 53—86.
7. Plut. Gracchi, 9.
8. Rudorff A. Gromatiche Institutionen // Gromatici Veteres (La), II. Berlin: Bardi. 1852. — S. 227—464.
9. Sen. ep. 79.
10. Toynbee A.J. Hannibal's Legacy. The Hannibalic War's Effects on Roman Life. Vol. II. Rome and her Neighbours after Hannibal's Exit. L., Oxford university Press, 1965.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: ПОЛИТОЛОГИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

25 февраля 2013 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 05.03.13. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 4,75. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3